

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Комната страха

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Комната страха (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Комната страха (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-093218-4

В милиции приказы обсуждать не принято. Матерым сыщикам из МУРа Льву Гурову и Стасу Крячко поручили с виду элементарное дело для начинающих ментов: разыскать мастера по изготовлению чучел животных. Человек ушел из дома в неизвестном направлении и теперь где-то отсиживается. События вместе с тем начали развиваться стремительно. Как только опера приступили к расследованию, стало известно, что жену пропавшего мастера взяли в заложники бандиты и требуют, чтобы она выдала им, где тот скрывается. Заложницу с боем освободили. И когда Гуров и Крячко узнали, что именно бандитам нужно от мастера, ужаснулись...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093218-4

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Комната страха	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Иванович Леонов

Комната страха

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Комната страха

Глава 1

Гуров сразу узнал это лицо. Фамилия, которую ему заранее назвал генерал Орлов, ничего Гурову не говорила, но вот лицо человека было, безусловно, узнаваемым. Обладая несомненными организаторскими способностями, этот человек успел за последние десять лет многократно засветиться на самых ответственных должностях как в бизнесе, так и в управленческих структурах, пока наконец не оказался на министерском посту. Долго ли он продержится в этом качестве или это будет лишь дополнительным штрихом в его удивительной биографии, не знал, наверное, и сам министр, но можно было по крайней мере надеяться, что теперь публика хорошенько запомнит и его фамилию, а не только молодежавое энергичное лицо, которое многократно появлялось на телеэкране.

Полковник Гуров был уверен только в одном – ни в каком из известных периодов своей жизни человек этот не был замешан в событиях криминального свойства, и это делало ему честь. Тем более было немного странно, что теперь, на вершине успеха, ему вдруг понадобилась консультация работника правоохранительных органов. Генерал Орлов выражался именно так – должность начальника главка обязывала его быть осторожным в высказываниях. Правда, Гурову он давно уже доверял как самому себе, а поэтому, начав издали и напустив туману, в резюме генерал оказался грубовато прямолинеен.

– Одним словом, попросил человек свести его с профессиональным сыщиком. Выразился в том смысле, что на любом участке деятельности предпочитает видеть профессионала, даже если речь идет о поисках носового платка. Афоризм своего рода... Наш министр счел эту мысль глубокой и пообещал, что профессионал будет. Ясное дело, придется посылать тебя. Этот новый министр пожелал встретиться с сыщиком лично, а кто у нас самый представительный? Полковник Гуров, естественно... У тебя и вид, и стать. Костюмчик на тебе – хоть в палату лордов запускай. И жена у тебя – известная актриса. Короче, тебе сам бог велел...

– Носовые платки искать? – невозмутимо произнес Гуров.

– А хоть бы и платки! – сердито пробурчал Орлов. – Когда рекомендует министр, дискуссии не разводят. Да и вроде бы не в платках там дело. Был намек, что человека найти нужно. Но это только намек, понимаешь? Как говорится, то ли он украл, то ли у него украли – дело хозяйское. При личной встрече получишь всю информацию. Завтра он тебя будет ждать у себя в министерстве, в самом высоком кабинете, во второй половине дня. Все уже оговорено, так что возражения оставь при себе.

– Никаких возражений, – сказал Гуров. – Каждому приятно вот так, на халяву, пообщаться с министром, а если еще и поискать что-то надо, так это просто именины сердца.

– Ирония – дело хорошее, – проворчал Орлов. – Только я слышал, что министры ее на дух не переносят. Ты это учти на завтра.

– Обязательно учту, – пообещал Гуров.

– И это, – протестующе махнул рукой генерал. – К министру один поедешь. Не вздумай с собой дружка своего Крячко потащить. С тебя станется. Вы с ним как нитка с иголкой. Для работы это, допустим, хорошо, но больно вид у твоего Крячко непредставительный. Боюсь, как бы у министра от его вида инфаркт не случился. Еще решит, что у нас на его счет сомнения возникли.

– Лично у меня они действительно возникли, – заметил Гуров. – Не нравится мне эта история. Намеки, профессионалы... Как лицо должностное, этот человек понимать должен, что в случае если проблема действительно серьезная, то ему следует действовать по законам и

инструкциям, а если пустяк какой-то, то не стоит отрываться от работы этих самых профессионалов. В крайнем случае нанял бы себе частного детектива.

– Ну вот завтра ему об этом и скажи, – милостиво разрешил Орлов. – Я не возражаю. А вообще, я думаю, много времени у тебя это не займет. Определишься с проблемой, а дальше уж будем решать, что делать конкретно. Если пустяки какие-то, то найдем человека, который этим займется. А на сегодняшний день мы демонстрируем готовность к сотрудничеству и взаимопониманию.

– И на завтрашний тоже, – улынулся Гуров.

– Завтрашний – тем более, – подтвердил Орлов и тут же подозрительно спросил: – Надеюсь, ты не принял всерьез мои слова про твои будущие разговоры с министром? Больше помалкивай. Ведомство, конечно, не наше, и министр – новичок, но все равно: молчание – золото.

– Я это еще сто лет назад понял, – сказал Гуров.

Он и в самом деле не собирался ничего говорить новоиспеченному министру – не из-за пиетета, а просто потому, что не хотел делать скороспелых выводов. У сильных мира сего бывают причуды, но иногда бывают и неприятности. Наверное, они тоже нуждаются в сочувствии и снисхождении. Гуров решил не забивать себе голову до завтра.

Единственное, что его беспокоило, – не забудет ли сам министр о назначенной встрече? Не отвлекут ли его в последний момент дела государственной важности? Терять время в приемных ему не улыбалось. В конце концов, старший оперуполномоченный по особо важным делам – тоже не пустое место.

Но все опасения оказались напрасными. Новый министр проявил себя человеком слова. Гурову не пришлось ждать ни секунды. Предупредительный выхоленный секретарь, едва взглянув на удостоверение Гурова, тут же препроводил его в святая святых – в кабинет хозяина.

– Валентин Алексеевич вас ждет, – с многозначительной улыбкой сообщил он.

Гуров прошел через тамбур и сразу же увидел то самое знакомое лицо. Строго говоря, увидел он два знакомых лица – но второе глядело на него с большого цветного портрета и являлось изображением президента. Хотя Гуров был вынужден признать, что художник постарался и президент смотрелся почти как живой.

Хозяин же кабинета не только смотрелся, но и действовал очень живо. Едва увидев Гурова на пороге, он лишь на долю секунды изобразил в лице сомнение, а потом расплылся в улыбке и, встав из-за широкого стола, лично двинулся навстречу гостю.

– Да-да-да! – заявил он на ходу. – Я помню! Лев Иванович, кажется? Я ничего не перепутал? Очень приятно! О вас отзываются как о первоклассном специалисте. Это очень важно – быть профессионалом. Этого нам всегда не хватает – настоящих профессионалов! Очень, очень приятно! – Он подошел к Гурову вплотную и дружественным, но осторожным жестом взял его за плечи – так поправляют на стене дорогую картину в тяжелой раме.

Такое начало предполагало довольно интимное продолжение, и Гуров несколько приуныл. Ведь он до сих пор представления не имел, чего от него ждут. Чтобы не ходить вокруг да около, он сразу же решил воспользоваться дружественной атмосферой и задал вопрос напрямик:

– Если позволите, то мне хотелось бы сразу перейти к сути дела, Валентин Алексеевич. В связи с чем вам потребовались услуги профессионального сыщика? Чем быстрее мы решим этот вопрос, тем проще будет нам обоим. Да и делу это наверняка пойдет на пользу.

Министр быстро посмотрел Гурову в глаза, шагнул в сторону и с виноватой улыбкой развел руками.

– Вы попали в самое больное место, Лев Иванович! – с хорошо завуалированным упреком сказал он. – Действительно, мои претензии выглядят несколько эгоистично. Может создаться впечатление, что я пытаюсь заставить работать на себя лично Министерство внутренних дел!

Но, поверьте, это не так. Этот путь посоветовал мне не кто иной, как ваш министр. Впрочем, если вам в тягость...

– Нет-нет, продолжайте, – хладнокровно отозвался Гуров. – Просто мне хотелось бы максимально ускорить процесс. Итак, что же у вас случилось?

Валентин Алексеевич быстро замаскировал обиду. Он опять был деловит и доброжелателен.

– Я долго вас не задержу. Просто попытаюсь в общих чертах... Одним словом, произошло странное происшествие. Я, видите ли, немного увлекаюсь охотой. Предпочитаю крупного зверя. Люблю, когда трофеи производят впечатление. У меня дома отличная коллекция чучел. Это, так сказать, производное от основного хобби. Большинство чучел делал мне один и тот же прекрасный мастер – может быть, вы слышали – Ликостратов Сергей Степанович. Берет дорого, причем многим вообще отказывает, но если уж соглашается, то выполняет работу по высшему классу. И вдруг этот человек пропал! А у меня как раз великолепный экземпляр кабана дожидается, так сказать, своего воплощения. Вот представляете мое разочарование? Туша, конечно, в холодильнике, но она же не может находиться там вечно!

– С тушей все ясно, – заметил Гуров. – Наверное, в крайнем случае ее можно отдать другому мастеру. Давайте лучше разберемся с вашим Ликостратовым. Что это значит – пропал? Имеется в виду что-то серьезное?

– Боюсь, что ответ на этот вопрос придется давать вам, – заявил министр. – Я же со своей стороны могу повторить, что Ликостратов пропал, и это означает только одно – его нигде нет. Мои люди искали его под Москвой – у него загородный дом в одном из поселков, – искали в московской квартире, которую он оставил жене после развода, где-то еще искали... Тщетно! Никто не знает, где он. Но ведь так не может быть, чтобы человек исчез без следа и никто не обратил бы на это внимания! Нужно что-то делать!

– Вообще-то существует прописанная в законе процедура, – начал Гуров.

– Знаю я эти процедуры! – махнул рукой Валентин Алексеевич. – В нашей стране важен фактор личного участия. Если не вмешаешься лично, результатов можно ждать бесконечно долго.

– Гм, но мне хотелось бы знать, действительно ли есть основания беспокоиться? – сказал Гуров. – Человек мог куда-то уехать. Например, срочно вызвали на похороны в Сибирь. У вашего мастера имеются родственники в Сибири? Или он мог взять путевку и укатить в солнечную Испанию.

– С его доходами Ликостратов хоть в Новую Зеландию мог укатить, – согласился министр. – Но это исключено. Мне приходилось контактировать с этим человеком довольно часто, и если у него возникали какие-то нестыковки по времени, все оговаривалось заранее. Он очень обязательный и педантичный человек. Просто так сорваться с места, никого не поставив в известность, он не мог категорически. А что касается родственников, то тут я пас. Строго говоря, я не настолько близко знаю этого человека, сами понимаете... Вам придется поговорить с моим референтом. Все подробности узнаете от него. Можете располагать им всецело по своему усмотрению. И прошу вас, не стесняйтесь, Лев Иванович! Понадобится куда-то съездить, побеседовать – в любое время дня и ночи. На этот счет он строго предупрежден. Кстати, ему выделены средства на бензин и все прочее. Вам остается только приказывать.

– Но, вероятно, нам с вами придется еще раз встретиться, – сказал Гуров. – Что-то подкорректировать. Или обсудить результаты поисков, наконец...

– Не думаю, что сумею вот так сразу выбрать для этого время, – озабоченно наморщил лоб Валентин Алексеевич. – Сами понимаете, впрягаюсь в новый для себя хомут. Дело непростое! Но вы можете все необходимое передать через Пивоварова – это фамилия референта. Желаю удачи, Лев Иванович!

Он опять коснулся кончиками пальцев плеч Гурова, точно хотел убедиться, что любимая картина по-прежнему находится в рамках, и снисходительно улыбнулся.

– Рад был бы побеседовать подольше, но это все, что мне удалось выкроить! – с тайной гордостью сказал он. – Увы, этот вечный цейтнот руководителя!

Он, кажется, надеялся увидеть почтение и благоговейный ужас в глазах Гурова, но тот только слегка поклонился и сразу пошел к выходу.

– Если что-то заслуживающее внимания будет действительно обнаружено, – объявил он на пороге, – Пивоварову я сообщу.

Гуров вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Он был серьезно раздосадован и уже не скрывал этого. Встреча с руководителем такого высокого ранга, по его мнению, могла бы быть и более толковой. В данном же случае ему пришлось столкнуться с элементарным проявлением руководящего эгоизма, когда малейшее неудобство, причиняемое руководству, возводится в ранг государственной проблемы. Однако резких телодвижений Гуров совершать не собирался. Он дал слово генералу Орлову, и теперь приходилось терпеть.

К его удивлению, референта Пивоварова не пришлось ни разыскивать, ни даже ждать. Напротив, это он уже поджидал Гурова, прохаживаясь по комнате, в которой сидел секретарь.

Пивоваров оказался худощавым мужчиной лет тридцати пяти в отлично сшитом сером костюме и бледно-голубой сорочке, воротничок которой вопреки этикету был расстегнут, а галстук в туалете референта и вовсе отсутствовал. Лицо этого человека было не лишено приятности, но глаза были наполнены такой смертной скукой, что Гурову сделалось даже немного не по себе.

Пивоваров представился – довольно почтительно, но так флегматично, точно они с Гуровым встретились где-нибудь в переполненном аэропорту и через полчаса обоим предстояло улетать в совершенно противоположные концы планеты.

Вдобавок секретарь министра бросил на Пивоварова такой странный взгляд, что это вызвало у Гурова некоторые подозрения.

«Похоже, братец, ты здесь не совсем в фаворе, – подумал он, рассматривая Пивоварова. – Если не сказать больше. Уж не отработываешь ли ты положенные две недели, если в ваших кругах вообще имеют значения такие пустяки, как положения Трудового кодекса? А вот то, что ты крутишься возле министра без галстука на шее, – это уже совсем не пустяк...»

Вслух же Гуров сухо сообщил, что надеется получить от Пивоварова полноценную информацию о Ликостратове, и по возможности быстро.

– Меня зовут Лев Иванович, – добавил он. – Не буду возражать, если будете называть меня полковником – возможно, это вас как-то дисциплинирует.

– А я – Николай Иванович, – лениво сказал Пивоваров. – Званий достойных не имеется, поэтому, кроме имени, ничего предложить не могу. Впрочем, можете звать меня попросту – Николаем. Плюс, если нужно, могу сбегать за пивом или сигаретами – в этом плане прошу не стесняться.

– Меня уже предупредили, что стесняться не нужно, – сердито сказал Гуров. – Но мне не нужны сигареты. А что нужно – я уже сказал.

Пивоваров немного подумал и вдруг предложил Гурову зайти вместе с ним в буфет министерства.

– Всего на пять минут, если не возражаете, – мягко сказал он. – Здесь очень качественные продукты. А некоторые особенности моего организма вынуждают меня то и дело обращаться к диете. Врачи усиленно рекомендовали мне кисломолочные смеси. Вообще-то гадость, но...

Гуров не стал возражать против рекомендаций врачей. Пивоваров тут же приободрился и повел его вниз. Держался он уверенно, но в глазах Пивоварова по-прежнему стояла смертная тоска, и Гурову подумалось, что окружающий мир референт должен видеть непременно в черно-белом варианте, с преобладанием серого.

В большом светлом зале буфета Пивоваров заказал себе чашку простокваши и стакан вишневого киселя и, усевшись за столик, принялся неторопливо поглощать эту странную комбинацию блюд, флегматично посматривая по сторонам. Он и Гурову предложил заказать что-нибудь, но тот ограничился небольшой чашкой черного кофе и, махом проглотив его, предложил Пивоварову заняться делом немедленно.

– Да сколько угодно, – равнодушно ответил референт. – Только позвольте сначала нескромный вопрос. Вы за бабки работаете или по воле начальства? Зная нашего шефа, смею предположить, что бабками тут и не пахнет. Такие, как он, предпочитают «нажимать рычаги». Я угадал?

– Ну, вам лучше знать вашего шефа, – заметил Гуров. – Но хочу напомнить, что я – полковник МВД и работаю не за бабки, а за идею. Хотя в чем-то вы правы – сегодняшний случай из ряда вон выходящий, и без «рычагов» не обошлось. А для вас это важно?

– Это важно для вас, – глубокомысленно заметил Пивоваров, вытирая губы салфеткой. – Не смею вам советовать, но мне кажется, полковник, что вам сейчас лучше всего не торопиться. Усердие не всегда приносит успех. Вы, наверное, знаете это не хуже меня.

Гуров недовольно посмотрел на него.

– Я много чего знаю, уважаемый Николай Иванович, – сказал он. – Не знаю только одного: чего вы здесь крутите? Я от вас жду информации, а вы мне афоризмы зачитываете. Давайте-ка не размазывайте кашу по тарелке, а говорите по существу, куда делся этот ваш чучельник?

Пивоваров с сожалением покосился на него и бросил на столик измятую салфетку.

– Да я и сам не знаю, где он. Неделю назад шеф вызвал меня и говорит: «Что-то ерунда какая-то получается! Я такого зверя завалил, а Степаныч даже знать о себе не дает! Ему уже по всем телефонам названивали – никакой реакции. Тоже мне, премьер-министр!» Это у нас теперь тема такая болезненная. Ущемленное самолюбие – источник прогресса, сами понимаете. И ведь что интересно – немедленно составили и представили список специалистов, которые занимаются таксидермией. На вполне приличном уровне. Не катит. У нас ведь как? Приказ исполняется буквально, как в армии, иначе какое же к нам уважение? Куда деваться – пришлось мне взять ноги в руки и обскакать все точки, где мог засветиться наш чудо-мастер.

– И что же это за точки? – спросил Гуров.

– Ну, начал я с того, что поближе лежало, – ответил Пивоваров. – Навестил бывшую жену. Живет она в Раменках, на Мичуринском проспекте. Молодящаяся дама, злая, как ведьма. Кстати, и род занятий у нее подходящий – она на картах гадает. Таким же озлобленным разведкам. Кстати, не бедствует. Но о бывшем муже даже слышать не хочет. В общем, ушел я от нее несолоно хлебавши. Дальше я попробовал сынка ее найти. То есть их общего с Ликостратовым сына. Он на другом конце Москвы живет, в Измайлове...

– Вы семьями дружите, что ли? – проворчал Гуров. – А сами вроде бы на самолюбие намекали?

– Когда шеф еще только раскрутку в бизнесе начинал, тогда ему незачем было и с Ликостратовым водиться, – объяснил Пивоваров. – Потом, конечно, стал отдаляться. А нам куда ж деваться? Шестерки и есть шестерки. Со всякой сволочью приходится дело иметь.

– Это на кого же вы сейчас намекаете? – прищурился Гуров.

На спокойном лице Пивоварова не дрогнул ни один мускул.

– Да никогда мне этот Ликостратов не нравился! – убежденно заявил он. – Дело свое он, конечно, знает. И связи у него среди охотников имеются. Только сейчас ведь охота уже не в том почете, что раньше. И Валентин Алексеевич туда скорее по инерции ездит. Думаю, через месяц-другой он о ней и думать забудет. Неактуально это и даже не слишком расчетливо, принимая во внимание сопутствующие обстоятельства, вроде того же Ликостратова. А раз так – на хрена нам с вами, полковник, суетиться?

– Предлагаете плюнуть на просьбу министра? – небрежно спросил Гуров.

– Именно, – подтвердил Пивоваров. – С высокой колокольни. В конечном счете он же вам за это спасибо скажет. То есть не скажет, конечно, но от лишних неприятностей вы точно будете избавлены.

– До сих пор вся эта история не вызывала у меня никакого интереса, – заявил Гуров. – Но последнее заявление меня, признаться, насторожило. Вы что-то недоговариваете.

– Да я, собственно, все сказал, – удивился Пивоваров. – Ликостратов – скользкий тип, это однозначно. Ну, сами понимаете, человек, нигде не работающий, не может позволить себе загородный особняк и крутой внедорожник. Откуда-то он берет деньги? Понятно, чучела, хорошие знакомства – но этого мало. А такие, как Ликостратов, не брезгливы. Подозреваю, что он никогда не упустит возможность заработать. Сплошной черный нал, короче говоря. На каком-то уровне это приемлемо, но сейчас лучше бы держаться от него подальше.

– Зачем же в таком случае ваш Валентин Алексеевич ищет сближения? – поинтересовался Гуров. – Может быть, вы сгущаете краски?

– Я же говорю, по инерции, – объяснил Пивоваров. – Вот увидите, через неделю он и не вспомнит о Ликостратове. И про чучела свои забудет. Их у него, кстати, и без того предостаточно. А в его сегодняшнем положении всегда можно найти чем заняться.

– Вы как-то странно об этом говорите, – заметил Гуров. – Будто сторонний наблюдатель.

– В каком-то смысле так оно и есть, – кивнул Пивоваров. – Это мое последнее задание. Далее я буду безработным.

– Ну вот видите! Может быть, стоит постараться в таком случае? – сказал Гуров. – Глядишь, и сохраните рабочее место...

– Нереально, – помотал головой Пивоваров. – Для моего увольнения имеются веские причины, а для продления контракта их нет. Думаете, если я найду этого лишнего человека, что-то изменится? Лучше уж я спокойно доживу эту неделю и лягу в дрейф, пока что-нибудь не подвернется. Того же и вам желаю.

– С дрейфом пока ничего не выйдет, – категорически заявил Гуров. – Я уже сказал, что вся эта история мне с самого начала не нравится. Но в таком варианте она нравится мне еще меньше. Она начинает как-то скверно припахивать. Меня пока не интересует судьба неизвестного мне Ликостратова, и карьерные соображения вашего шефа меня тоже мало волнуют. Но я обещал своему начальству разобраться, и я разберусь. Так что будем продолжать поиски. Можете взять себе на добавку простокваши и расскажите, что там было дальше. Вы говорили про сына.

– Сына я тоже не нашел, – спокойно ответил Пивоваров. – Этот фрукт постоянно в разъездах. Так сказали соседи.

– А кем он работает?

– А бог его знает. Самого Ликостратова я видел неоднократно, общался. А вот сынок его для меня – загадка. Он большей частью при матери жил.

– Ясно. После того как сына вы тоже не нашли, что предприняли?

– Ну, тут уж я понял, что придется катить в глушь, – признался Пивоваров. – Терпеть не могу выезжать за пределы Садового кольца, а уж за пределы Москвы тем более.

– И все-таки пришлось?

– Ага, пришлось. Правда, недалеко. Шестьдесят километров от Москвы. Там деревенька была под названием Плетнево. Неперспективная. Русь уходящая, так сказать. Но места хорошие, приятные взору. Инициативные люди подсустились и воздвигли там новое поселение. Название, правда, сохранили. Кое-какие избышки тоже еще целы. Но в основном там современные коттеджи. Черепичные крыши, глухие заборы, тарелки, гаражи, все как полагается. Уже не менее полусотни строений. Въезд, однако, свободный – ни шлагбаумов тебе, ни фейс-контроля. Правда, охрану они там себе наняли – в центре поселка есть сторожка, где сидят трое, следят за порядком. Если в поселок забредут чужие – шпана какая-нибудь или колхоз-

нички подвыпившие, – то они меры принимают. Какие – не скажу, потому что при мне ничего подобного не было. Еще они могут справку дать по местному населению – если, конечно, вы им понравитесь. Но вы-то им точно понравитесь, со своей красной книжечкой. Хотя где живет Ликостратов, я теперь и сам знаю...

– Значит, и у него побывали?

– Не то что у него, но рядом был. Хоромы знатные, хотя, на мой вкус, мрачноватые. Казематом отдают. Может, внутри по-другому, но внутрь я не попал. Ворота на замке, в доме ни огня, и охрана сказала, что вроде бы хозяин дней десять как уехал уже – в неизвестном для них направлении.

– И все?

– А что еще? Потом ему снова звонили – ни ответа, ни привета. Кабан в холодильнике протухает...

– Так это был кабан? – удивился Гуров. – Вроде бы не сезон?

– Ну, это уже другой вопрос. – Пивоваров развел руками. – Не станете же вы обвинять министра в нарушении сроков охоты?

– А интересно было бы попробовать, – улыбнулся Гуров.

– Попробуйте, – предложил Пивоваров. – Тогда уж вам точно будет не до Ликостратова. А кабан, по правде сказать, был знатный. Вепрь, одним словом. Клычищи – во! Так и просятся на стену в гостиной. Боюсь только, что протух он уже.

– Значит, вепрь, говорите? – переспросил Гуров. – Тогда действительно жалко, если пропадет. Значит, прямо сегодня и поедем.

– Куда? – не понял Пивоваров.

– Да в Плетнево, – ответил Гуров. – Нужно же наконец выяснить, куда мастер запропастился.

– В самом деле? – огорченно сказал Пивоваров. – Все-таки не хотите прислушаться к голосу разума? Ну, вам виднее. Только, мне кажется, сегодня уже поздно – за полдень уже давно перевалило. Что же, на ночь глядя ехать?

– Ну так что же, что поздно? – невозмутимо заметил Гуров. – Лучше поздно, чем никогда.

Глава 2

В Плетнево выехали не то чтобы на ночь, но все-таки поздновато. Солнце над шоссе приобрело кроваво-красный оттенок и неуклонно сваливалось к западному горизонту. Молодая зелень вдоль обочин, впитавшая за день немало бензиновых испарений, выглядела вялой и поблекшей. Было довольно жарко – до начала календарного лета оставалось менее двух недель.

Для поездки Гуров взял свою машину, хотя Пивоваров любезно предлагал воспользоваться его новеньким «Фольксвагеном» и даже настаивал на этом. Но Гуров предпочитал проверенные средства передвижения.

Кроме Пивоварова, с ними поехал напарник и друг Гурова полковник Крячко. История с пропавшим таксидермистом представлялась ему не более чем глупым анекдотом, но бросить товарища в трудную минуту он, естественно, не мог.

– Ну, и каждому интересно посмотреть новые края, – заявил он. – Никогда не был в Плетневе. Нужно расширять кругозор.

Гуров не разделял его энтузиазма. Плетнево его несколько не интересовало, и ехал он туда только с целью раз и навсегда разделаться с неприятным делом. Гуров был убежден, что никакой загадки в исчезновении таксидермиста быть не может и в поселке отлично знают, где тот может находиться. Самым подозрительным в этой связи Гурову представлялось поведение и уклончивость господина Пивоварова, который знал что-то нехорошее о Ликостратове, но предпочитал ходить вокруг да около да напускать в свои объяснения туману. Наверное, для этого у него имелись свои резоны, но Гуров не любил вранья и бессмысленной траты времени, поэтому и отношение к референту сложилось у него весьма скептическое.

Особенно усилился этот скептицизм, когда примерно через полтора часа они встретились с Пивоваровым в назначенном месте. Референт выпросил это время, чтобы, как он выразился, хорошенько подготовиться к поездке. Зачем и как нужно было готовиться к столь заурядному действию, Гуров искренне не понимал до тех пор, пока вновь не увидел Пивоварова. Референт сменил костюм, сорочку и основательно принял на грудь.

Это сразу обнаружилось по его благодушно-ироническому настроению и по крепкому запаху хорошего коньяка, исходившему от референта. Гуров тут же вспомнил про его рассуждения о комплексе причин для собственного увольнения и понял, что, собственно, имелось в виду. Никаких замечаний по этому поводу Гуров высказывать не стал, поскольку Пивоваров казался ему достаточно взрослым человеком, чтобы жить своим умом, но последние крохи симпатии к нему исчезли.

Крячко, напротив, воспринял ароматного референта почти с восторгом и, знакомясь, уважительно покрутил носом. Правда, от замечаний он тоже отказался, но по его погрузневшему взгляду Гуров понял, что в этом случае речь идет об элементарной зависти. Эта слабость была Гурову хорошо известна, и заострять внимание на ней он не стал намеренно.

Несмотря на хмель, Пивоваров компании не испортил. Даже наоборот, обычная флегматичность его куда-то улетучилась, и он всю дорогу развлекал оперативников анекдотами и случаями из жизни, еще более анекдотическими. При этом он умудрился ни разу не коснуться подробностей жизни своего начальства и вообще был в этом отношении чрезвычайно корректен. Гуров понял, что имеет дело с человеком редкой выучки и самообладания, прошедшим хорошую карьерную школу. Если бы не его склонность к напиткам, он наверняка бы имел большое будущее. Впрочем, судя по общему настрою, Пивоваров и сейчас не особенно комплексовал насчет своего будущего.

В Плетнево приехали в семь часов вечера. Было еще совсем светло, и в поселке, если так можно выразиться, вовсю кипела жизнь. Ворота многих владений были распахнуты, по асфальту то и дело прокатывались дорогие автомобили, на окраине деловито урчали грузо-

вики, с которых разгружали стройматериалы. На черепичных крышах горели предзакатные отсветы – в общем, было весело.

Первым делом, остановив машину в центре поселка, Гуров предложил Пивоварову еще раз набрать домашний номер Ликостратова, что тот незамедлительно и исполнил, получив в итоге порцию длинных гудков.

– Нет его, – заключил Пивоваров. – Зря жгли бензин, полковник. И амортизация машины, опять же... Я предлагал свою тачку. Мне-то ведь все равно придется до дна пить эту чашу, а вам-то зачем? Кстати, о чаше. Здесь и магазин есть. Учитывая состав населения, ассортимент вполне приличный. Что, если мы с вами туда заглянем? В конце концов, не так будет обидно, что зря в такую даль мотались. Я угощаю.

– По-моему, хорошая мысль, Лева! – подхватил Крячко. – Как ты полагаешь? Действительно, как представишь, что обратно трезвым ехать, сразу как-то тягостно на душе становится.

– У меня другой взгляд на это, – сердито сказал Гуров. – У нас конкретное дело, а не пикник, между прочим. Раз Ликостратова на месте нет, значит, переходим к следующей части плана. Опрос охраны и соседей. Если вам это неинтересно, я сам этим займусь.

Он выбрался из машины и направился к зданию, в котором располагалась поселковая охрана. Это был небольшой щитовой домик, полностью погруженный сейчас в густую тень росшего поблизости старого вяза. На крыльце домика стоял невысокий плотный парень в черной форме, без головного убора. Через раскрытую дверь из дома доносились звуки музыки – на магнитофоне крутили что-то гитарное, маршеобразное, «мужское», исполняемое с отчаянной хрипотцой и надрывом.

Гуров подошел и поздоровался. Парень благожелательно кивнул, с интересом рассматривая Гурова и машину за его спиной.

– Ищете кого-то? – догадался он.

– Ищем, – кивнул Гуров. – Тут у вас господин Ликостратов проживает. Судя по всему, дома его уже давно нет. Так, может, кто-нибудь в курсе, где он может находиться? В конце концов, у него тут хозяйство. Если он в отъезде, наверное, кто-то должен присматривать?

– А-а, это тот мужик, который заказы на чучела берет? – вспомнил охранник. – Есть такой. Только он часто вообще уезжает. А чтобы кто за его хозяйством присматривал – такого не помню. Может, Жирнов знает? – Он обернулся и окликнул кого-то в глубине помещения: – Слышь, Жирнов! Выдь на минуту! Тут про одного мужика объяснить надо!

Жирнов появился через минуту – широкий, по-медвежьи сутулый, с мрачным недоверчивым взглядом. Он что-то жевал на ходу и вытирал о штаны засалившиеся ладони.

– О чем базар? – хриплым низким голосом спросил он, пристально всматриваясь в лицо Гурова. – Ищете кого-то?

– Ликостратова он ищет, – объяснил первый охранник. – Может, чучело человеку набить надо, а тот как уехал, так и пропал.

– Чего это пропал? – грубовато спросил Жирнов. – Никуда никто не пропал. У нас все на месте. Другой вопрос: по какой такой необходимости вы об нем справляетесь? У нас тут не проходной двор и не справочное бюро. Будьте добры документик представить, тогда и поговорим.

Гуров «представил документик» без разговоров. Жирнов перестал жевать, еще раз вытер руки – на этот раз о форменную куртку – и с величайшей бережностью взял удостоверение.

– Вот, значит, какой компот получается! – глубокомысленно заключил он наконец. – Это, значит, как же понимать – проштрафился наш Ликостратов или вы к нему по личной надобности, товарищ полковник?

– Это уж как хотите, так и понимайте, – отрезал Гуров. – А мне важно ответ на свой вопрос получить.

– Ага, понимаю, – солидно сказал Жирнов и, посмотрев на своего товарища, неожиданно добавил: – А так ведь был он здесь! Ликостратов ваш. Как раз сутки назад и был. Приехал под вечер на «Ниве». У него черная «Нива», новая, такая, как их сейчас выпускают, – под джип, то есть с прибабасами всякими, ну, вы понимаете... Машина вся в пыли была – я еще подумал: издалека мужик рулит. А он быстро так проехал и к себе. Ну а что там дальше было, я не знаю. Его хату отсюда не видно, но вроде назад не выезжал.

– Так, выходит, он здесь сейчас? – недоуменно произнес второй охранник. – А вот товарищ полковник утверждает, что попасть к Ликостратову не имеет возможности. Не реагирует он на сигналы. Да и я вроде бы его не замечал.

– Ну кто его знает, чего он не реагирует? – философски заметил Жирнов. – Всякие варианты могут быть. Например, запил человек. Или проблемы у него – видеть никого не может. Опять же, сегодня здесь был, а завтра по новой убыл. Тоже может иметь место.

– Убыл? – переспросил Гуров. – Вы хотите сказать, что видели, как Ликостратов уехал?

– Нет, этого я сказать не хочу, – возразил Жирнов. – Чего не видел, того не видел. Но в ту ночь катались тут всякие. Оживленно было, как на Тверской. Но чтобы Ликостратов обратно проезжал – этого точно сказать не могу, потому что не следил. По правде говоря, он ведь при желании мог и другим путем уехать. С той стороны поселка тоже выезд есть. Правда, грунтовка, но погода сейчас нормальная, да и тачка у него подходящая. Вполне мог той стороной уехать.

– Так-так, – задумчиво сказал Гуров. – И часто этот человек вот эдак уезжает-приезжает? Вообще, есть тут в поселке кто-то, с кем он дружен? Кто бы мог быть в курсе его планов? Ну так, по-соседски – все-таки здесь все рядом...

Охранники переглянулись и дружно пожали плечами.

– Да у нас как бы такого не водится, – смущенно признался наконец Жирнов. – У нас тут наоборот – каждый сам по себе. К соседу во двор не заглядывает. Люди-то, по правде говоря, все разные. В том смысле, что разными путями здесь строились. Ну, конечно, есть и знакомые, но этот Ликостратов, по-моему, ни с кем особенно не дружит. Друзья, как водится, в Москве, а сюда люди поспать приезжают. Спальный, типа, район!

– Насчет этого тут хорошо, – мечтательно сказал второй охранник. – Тихо, как в раю! Хотя, конечно, не по-людски, когда все друг друга сторонятся. Но так уж приучили – в чужие дела носа не суй!

– Ну а у нас другая история, – заметил Гуров. – Мы как раз наоборот – везде нос суем.

Он вернулся к машине и пересказал то, что узнал от охранников.

– Ну а я что говорил? – с облегчением констатировал Пивоваров. – Исчез, и ладно. Попутный парус ему в задницу! Мы сделали все, что могли. Поверьте, полковник, сам Шерлок Холмс не сделал бы больше. Так не пора ли нам с вами остановиться? Не хотите отпраздновать окончание работы – ваше дело. В таком случае предлагаю засветло вернуться в Москву, чтобы уже там предаться порокам соответственно наклонностям каждого...

– Послушайте, господин Пивоваров! – с досадой сказал Гуров. – Ваше демонстративное легкомыслие меня раздражает. Мало того, что я вынужден, в сущности, заниматься откровенной ерундой, так я еще должен заниматься ею под аккомпанемент вашего словоблудия! Мне это надоело! Вообще, у меня складывается впечатление, что вы – первый, кто знает что-то о местонахождении Ликостратова, но по каким-то причинам предпочитает эту информацию скрывать. Своему начальству вы можете морочить голову сколько угодно, но с нами этот номер не пройдет. Или вы перестанете морочить нам головы, или я обещаю вам солидные неприятности!

Лицо Пивоварова вытянулось, но это не было проявлением испуга. Референт был скорее удивлен до глубины души резкими словами Гурова.

– Вы на самом деле так думаете, полковник? – недоверчиво протянул он. – В том смысле, что я от вас что-то скрываю? Но это полная ерунда! Я с вами даже более откровенен, чем того

требует необходимость. Это ведь я подсказал вам наиболее верную линию поведения, которой вы не пожелали придерживаться. А теперь, зайдя в тупик, вы пытаетесь сделать из меня козла отпущения. Не очень-то это красиво!

– А мы тут не о прекрасном собрались рассуждать, – оборвал его Гуров. – К сожалению. Нам нужно решить, что теперь делать.

– А что тут делать, Лева? – пожал плечами Крячко. – В принципе, Николай Иванович прав – все, что могли, мы уже сделали. Даже получили информацию, что Ликостратов жив и здоров. А где он мотается, это уже не наша забота. Тебя ведь не просили его найти? Конечно, можно было бы установить номер его машины, дать установку на посты ГАИ, но нужно ли это делать? У меня сложилось такое впечатление, что никому это особенно не нужно. Так, минутный каприз! Кстати, сколько, вы говорите, лежит уже туша? Неделю? Так ее можно уже спокойно выбросить. По-моему, для чучела она уже не годится.

– О том, что это каприз, я сразу говорил, – заметил Пивоваров. – И о том, что трофей уже прокис, я тоже намекал. И вообще все это не стоит выеденного яйца. Ей-богу, поедemте домой!

Гуров недовольно покрутил головой. Чувствовал он себя катастрофически глупо. Если в начале этой истории хотя бы имелся какой-то намек на криминал – исчез человек, – то теперь она и в самом деле не выходила за рамки частного недоразумения. Никуда никто не исчезал – просто уехал человек по делам, потом приехал и, возможно, уехал опять. Разве что дела эти вызывали сомнение. Действительно, откуда хоромы? Откуда внедорожник, о котором говорил Пивоваров?

– А кстати, про внедорожник! – вдруг обратился Гуров к референту. – Помнится, вы говорили о какой-то крутой тачке. А тут выясняется, что у Ликостратова обычная «Нива».

– Ага, у него «Лендровер», – уверенно сказал Пивоваров. – Я лично его на нем видел. И неоднократно. А про «Ниву» ничего не знаю. Хотя, в принципе, кто мог ему помешать купить «Ниву»?

– Действительно, были бы деньги, – буркнул Гуров. – Мне этот ваш Ликостратов нравится все больше и больше. Машины меняет, министры его ищут, туши из-за него пропадают...

– Чтоб я так жил – как говорят в Одессе! – со смехом заметил Крячко. – Одним словом, есть чем порадовать министра, Лева. Может, в самом деле пора ехать?

– Сначала все-таки заглянем к нему домой, – решил Гуров. – Лучше один раз увидеть. Вот увижу своими глазами, что дверь заперта, тогда и поедem.

– Ну, дверь-то можно и отпереть, если очень любопытно, – неожиданно сказал Крячко. – Ну так, слегка, никто и не заметит...

– Я тебе отопру! – сердито сказал Гуров. – Начали за здравие, кончили за упокой. Вот всегда у тебя так.

– Да я просто предложил, – мирно ответил Крячко. – Если есть желание...

– Нет у меня такого желания! – рявкнул Гуров, покосившись на референта. – И быть не может. Думай, что говоришь!

– Вы на меня не обращайтесь внимания, – сказал Пивоваров. – Если считаете нужным, то хоть обыск делайте, меня это не кольшет. Только смысла в этом никакого. Если бы Ликостратов был дома, он наверняка бы отозвался. А в его отсутствие чего туда ходить? Нет, не вижу я смысла.

– Чтобы на сто процентов убедиться, – ответил Гуров, усаживаясь за руль. – Вся эта возня мне не по душе, но в недоделанном виде она просто вызывает у меня отвращение. Говорите, куда ехать.

Пивоваров в двух словах объяснил. Они проехали еще метров сто, свернули направо и остановились перед двухэтажным строением, обнесенным желтоватым кирпичным забором. Здание стояло немного в стороне от общего ряда, и ворота его выходили на ровную бетонированную площадку, за которой начиналось то, что можно было назвать «чисто поле». Местность

была покрыта изумрудной травой и пересекалась неглубокими овражками. Далеко у горизонта розовели облака, наполненные солнцем. Его багровое пламя отражалось в слепых окнах второго этажа. Со стороны дом казался то ли спящим, то ли необитаемым. В нем действительно ощущалась некая тюремная мрачность, о которой говорил Гурову Пивоваров.

Гуров вышел из машины и без колебаний направился к воротам. Крячко, который уже порядком засиделся, тоже вылез и, лениво потягиваясь, побрел вслед за другом. Меньше всех был заинтересован тем, что происходит, Пивоваров. Он, правда, тоже покинул машину, но никуда не пошел, а, прислонившись к капоту, достал из кармана сигарету, закурил и стал размеренно и меланхолично пускать дым в небо.

Гуров подошел к воротам, поискал глазами и высмотрел кнопку электрического звонка, которую тут же прилежно и нажал. Видимо, сам звонок находился достаточно далеко, потому что Гуров ровным счетом ничего не услышал и на всякий случай еще раз повторил попытку.

– Что, не открывают? – зевая, спросил Крячко и безо всякой задней мысли, машинально толкнул створку ворот.

Она неожиданно легко открылась, и оперативники увидели за ней двор, а во дворе запыленную и забрызганную грязью черную «Ниву». Крячко от удивления так высоко задрал брови и сделал такое забавное лицо, что Гуров едва удержался от смеха. Впрочем, он и сам был порядком удивлен.

– Я любопытный, – сказал он. – И если до сих пор все это меня тяготило, то теперь у меня невольно возникают вопросы. Например, такой – что все это может значить?

– Ну, прежде всего кому-то тут дурят голову, это точно! – убежденно сказал Крячко. – Не знаю кому, но не нам, это точно. Мы-то ведь еще чуть и уехали бы. Нам-то это все по барабану.

Гуров хмуро посмотрел на беззаботно покуривающего возле машины Пивоварова и сдвинул брови.

– Дурят голову, допустим, не нам, но компанию составить предлагают, – сказал он. – И в чем секрет этой игры, я никак не пойму. Господин референт подчеркнуто отстранен, изображает философа, но, по-моему, что-то знает. Господин министр... А впрочем, черт их разберет! Давай зайдем, раз уж дверь открыта. Машина здесь, а хозяин не отзывается. Вдруг с ним беда случилась?

– Какая беда может случиться в этом райском уголке? – пожал плечами Крячко. – Но зайти я не против. Обожаю интересоваться чужой жизнью. Может быть, потому, что редко кто живет хуже меня. Как правило, все живут лучше. Посмотришь на чужое великолепие, и на душе спокойнее становится.

– Это отчего же? – спросил Гуров.

– От недостижимости, – пояснил Крячко. – Я когда чужой уют вижу, сразу прикидываю, в какую сумму и в какой временной отрезок он обошелся. И вижу, что мне можно уже не беспокоиться.

– Я чувствую, здесь тебе будет особенно спокойно, – усмехнулся Гуров. – Заходи!

Но зайти во двор они не успели. Господин Пивоваров, почувствовав что-то необычное, выбросил сигарету и поспешно присоединился к оперативникам.

– Нет, в самом деле! – воскликнул он, недоверчиво переводя взгляд с Гурова на Крячко и обратно. – Вы все-таки решили вскрыть замок? Я, собственно, не против, но честно предупреждаю – зря это. Игра не стоит свеч.

– Не трещите как сорока, – сказал Гуров. – Никто ничего не вскрывал. Ворота были отперты. И, между прочим, машина хозяина здесь. Вон она стоит, полюбуйтесть.

Пивоваров округлил глаза.

– В самом деле! – повторил он. – Машина. Думаете, Ликостратов дома? А что же он на звонки не отвечает?

– Если он дома, спросите его об этом лично, – сказал Гуров. – Мы намерены войти. Вдруг с Ликостратовым что-то случилось? Как у него вообще со здоровьем?

Пивоваров непонимающе наморщил лоб.

– Что? Со здоровьем? – спросил он. – М-м, даже не знаю...

– Ладно, сейчас это уже не имеет значения, – махнул рукой Гуров. – Ворота не заперты. Наверное, мы имеем право полюбопытствовать. Вы ведь прежде здесь практически не бывали, Николай Иванович?

– Ну да, кроме как неделю назад, ни разу не был, – признался Пивоваров. – Да и тот раз, можно сказать, фрагментарно. Вы продвинулись гораздо дальше меня.

– Я тоже так думаю, – кивнул Гуров. – Значит, вперед!

Они вошли во двор, который сложно было назвать чересчур благоустроенным. Все здесь было подчинено голой функциональности – ровная просторная площадка, на которой удобно разворачивать автомобиль, мрачноватый дом, окна нижнего этажа которого для большей надежности затянуты решетками, и больше, пожалуй, ничего.

Попасть внутрь здания можно было двумя путями – через парадный вход и через ворота гаража. Гуров начал, как и положено, с парадного.

Здесь его ожидало не слишком обнадеживающее открытие – дверь была надежно заперта. Не стоило говорить о том, что на звонки по-прежнему никто не отвечал.

– Ну вот и все, – с облегчением сказал Пивоваров, когда убедился, что вторжение отменяется. – Просто забыл запереть ворота, когда уезжал. Никакой мистики.

– Мистика в том, что уехал он не на машине, – заметил Крячко. – Он ее даже в гараж не потрудился поставить. Это в том случае, если он решил поменять ее на «Лендрровер». Любой на его месте сделал бы это. А он не стал, и это очень странно.

– Тут все скорее наоборот было, – сумрачно заключил Гуров. – Никто никуда не уезжал. Человек приехал чем-то расстроенный или, допустим, больной. Впопыхах забыл запереть ворота, бросил машину во дворе и прошел в дом. Дверь он закрыл, а потом... Вот что было потом – это важно. Поскольку на звонки он давно уже не реагирует, я начинаю подозревать самое худшее. Очень может статься, что весь секрет именно в этом. Ликостратов никуда не исчезал. Он или тяжело болен, или...

Крячко выслушал Гурова, морща лоб, а потом вдруг направился вразвалочку к воротам гаража и попытался их открыть.

Гуров поймал себя на мысли, что почему-то почти не удивился, когда ворота без малейшего сопротивления открылись. Крячко торжествующе оглянулся.

– Ты, Стас, слово какое-то знаешь, что ли? – проворчал Гуров, подходя ближе. – К чему ни прикоснешься, все тут же открывается. Как это тебе удастся?

– Рука у меня легкая, – довольно сказал Стас. – Да нет, просто я подумал, что если он про одни ворота забыл, то и вторые мог из поля зрения выпустить. Бывает, зацikliшь на чем-нибудь, а про самое важное забываешь. Главное, из гаража мы теперь в дом попасть можем, и даже постановление прокурора не потребуется.

– Вот только темновато тут, – проворчал Гуров, заглядывая внутрь гаража. – Где-то тут наверняка выключатель должен быть. Ага, кажется, нашел... Сейчас...

Он пошарил рукой по стене и зажег свет. Они увидели довольно просторное, аккуратно убранное помещение, примерно третью часть которого занимал темно-зеленый джип «Лендрровер» с московскими номерами.

Ввалившийся последним, Пивоваров сразу его увидел и объявил во всеуслышание:

– А вот и он! Я же вам говорил, что у него «Лендрровер»!

Ни Гуров, ни Крячко не отреагировали на его жизнерадостное восклицание. Оба оставившимися глазами смотрели на тело человека, лежавшее на бетонном полу в двух шагах от автомобиля. Этот человек был давно и безнадежно мертв.

Глава 3

– Труп мужчины, среднего роста, одетого в кожаную куртку и черные брюки, лежит ничком на полу головой к западу, – равнодушно-деловой скороговоркой заговорил Крячко. – Из видимых повреждений...

– Кончай трепаться! – оборвал его Гуров и стал медленно обходить тело кругом, стараясь не наступить на возможные следы. – Нашел время шутки шутить.

– Где же ты видишь шутки, Лева? – с укором спросил Крячко. – Когда все так и есть? Посмотри на его голову!.. По всей вероятности, смерть наступила вследствие размозжения черепной коробки вышеупомянутого трупа, причем рана, скорее всего, была нанесена с помощью стальной монтировки, находящейся тут же, возле трупа, и носящей следы крови и поверхностных тканей...

– Да уж, – мрачно сказал Гуров, – что называется, попали! На ровном месте да мордой об асфальт! Где этот референт чертов? – Он сердито оглянулся.

– Я здесь, – шелестящим голосом произнес откуда-то из угла Пивоваров.

Он стоял, привалившись плечом к стене, у самого выхода. Даже со стороны было видно, как сильно побледнело его лицо. От обычной вальяжности и флегматичности даже следа не осталось.

– Господа сыщики, – тоном умирающего сказал он. – Мне нужно хорошенько выпить. Давайте поищем в доме!

– Повело кота на... – буркнул под нос Гуров, а вслух прикрикнул на «поплывшего» референта: – Возьмите себя в руки, Николай Иванович! Вы же мужчина!

А Крячко сочувственно добавил при этом:

– Вы поймите, Николай Иванович, что теперь любой предмет в этом доме может служить уликой. Если мы с вами сейчас что-нибудь здесь выпьем, то вполне можем уничтожить важную улику. Хотя, откровенно говоря...

– Ладно, хватит нам откровений! – резко сказал Гуров. – У нас тут убийство нарисовалось. Дело исключительно серьезное и, надо сказать, весьма неприятное. Попрошу и вести себя соответственно.

– А я о чем? – жалобно простонал Пивоваров. – Если я сейчас не выпью, то у вас тут два трупа будет. Я с детства крови боюсь до судорог. И мертвецов тоже. Со мной на похоронах обязательно обморок случается.

Как бы в подтверждение своих слов, он тут же медленно сполз по стене на пол, сел на грязный бетон и уронил голову на грудь.

– Только этого нам еще и не хватало! – в сердцах сказал Гуров. – Стас, сделай же что-нибудь, пока этот деятель тут все следы не затер! Выволоки его на двор, что ли... Разрешаю немного даже по физиономии смазать – для тонуса. Но не перестарайся смотри!

– Я не перестараюсь, – пообещал Крячко, направляясь к раскисшему референту. – Я в самый раз.

Он бережно подхватил Пивоварова под мышки и поволок вон из гаража. Тот не мешал себя перемещать и только едва слышно попросил по морде все-таки не бить.

– У меня работа такая, – объяснял он печально. – Мне с разбитой мордой нельзя.

Они скрылись за воротами, а Гуров присел на корточки возле трупа. Крячко, в сущности, был совершенно прав – насчет орудия убийства сомневаться не приходилось. Испачканная засохшей кровью, с прилипшими к ней волосами, тяжелая монтировка валялась на полу в непосредственной близости от трупа, да и характер повреждений на черепе жертвы недвусмысленно указывал на применение именно такого тупого и твердого предмета. Удар был нанесен с

приличной силой – все лицо убитого перемазано кровью и исковеркано. Трудно назвать даже примерный возраст погибшего.

– Хотел бы я знать, кто это вообще такой? – недовольно проговорил Гуров. – Хотя есть у меня предчувствие, что это не Ликостратов, а совсем наоборот.

Немного подумав, он решил все-таки проверить карманы погибшего и уже протянул было руку, как вдруг снаружи раздался пронзительный визжащий звук, завершившийся короткой паузой, а затем гулким грохотом металла.

– Ну и где эта падла! – во всю силу легких заорал кто-то во дворе.

Голос был совершенно незнакомый Гурову, наглый и пропитой. Но встревожил его не столько голос, сколько последовавший за выкриком шум, уж очень он смахивал на звуки самой настоящей драки – смачные шлепки, хеканье, топтание по асфальту и прочие признаки настоящего мужского противостояния.

Гуров вскочил и без раздумий выхватил из наплечной кобуры пистолет. С определенного момента в этом странном доме все было предельно серьезным, и вряд ли стоило благодумствовать.

Гуров выскочил из гаража. Ворота во двор были распахнуты настежь, а между столбами, как застрявшая в горле кость, торчал незнакомый черный «Мерседес». Разумеется, возник он в этом месте не сам по себе, а по воле каких-то весьма живых хлопцев, которые, покинув машину, уже активно внедрялись на территорию Ликостратова. Гурову некогда было их разглядывать, но то, что парни эти не были интеллектуалами, было ясно сразу. Они предпочитали физические упражнения на свежем воздухе. Чем-то похожим занимались они и сейчас. Во всяком случае, кулаки их так и свистели в воздухе.

Было их четверо, хотя один почему-то уже лежал, зато остальные трое вовсю наседали на яростно отбивающегося Крячко. Полковник, прижавшись спиной к стене дома, держал оборону, раздавая направо и налево крепкие удары, но положение его с каждой секундой становилось все проблематичнее. У него не было даже времени подать голос.

На этом фоне совершенно куда-то потерялся референт Пивоваров, но, по правде говоря, Гуров о нем в эту минуту даже слегка подзабыл. Нужно было выручать друга.

Гуров бросился к дерущимся и на бегу выстрелил в воздух.

– А ну, прекратить немедленно! – заорал он.

И поскольку этот крик остался как бы гласом вопиющего в пустыне, Гурову пришлось прибегнуть к мерам чисто физического воздействия. А проще говоря, хорошенько врезать рукояткой пистолета по бычьему затылку одного из драчунов, оказавшегося к нему ближе всего. Он старался не переусердствовать, но, видимо, ярость, клокодавшая в нем, неудержимо рвалась наружу. От его удара противник сразу же распластался на асфальте, уткнувшись носом в пыль и нелепо раскинув руки.

В ту же секунду ободренный поддержкой Крячко провел удачный хук и привел в состояние грогги еще одного драчуна. Но зато последний, движимый каким-то отчаянным упрямством, успел ногой, обутой в подкованный ботинок, сильно пнуть Крячко в коленную чашечку. Крячко споткнулся и скорчился в три погибели, но в тот же миг Гуров завернул нахалу за спину руку и сунул под нос дуло пистолета.

– А ну-ка, угомонись! – зловеще произнес он. – Мозги вышибу!

Гуров, конечно, слегка преувеличивал свои намерения, но полагал, что некоторая красочность в данном случае не помешает. К тому же он был чертовски зол и, надо сказать, растерян. Никаких мало-мальски разумных объяснений происходящему он не видел, и это страшно его раздражало.

Между тем противник, лишенный возможности двигаться и сопротивляться, что-то мычал, пытаясь избавить свое несимпатичное лицо от неприятного соседства холодного и твердого пистолетного ствола. Гуров не давал ему такой возможности, довольно бесцеремонно

наращивая давление, но не из жестокости, а просто желая в корне пресечь дальнейшие попытки сопротивления.

Человек, которого ему удавалось пока удерживать, был, однако, силен и, несмотря на угрозу оружия, никак не желал признать своего поражения. Он не прекращал также и своего возмущенного мычания, в котором постепенно Гуров смог угадать кое-какие осмысленные фрагменты.

– Падла... замочу... пусти, сука!.. – в общем, ничего обнадеживающего.

Гуров оглянулся по сторонам. Тип, которого он сбил с ног, все еще пребывал в горизонтальном состоянии и опасности представлять не мог. Зато уже пришел в себя тот, что с самого начала отдыхал. Желто-розовый синяк под его левым глазом недвусмысленно указывал на причину, по которой он оказался выключенным из событий. Включаться в них ему, видимо, не слишком хотелось, да и пистолет в руке Гурова подсказывал, что свалка перешла на качественно новый уровень, который грозил самыми непредсказуемыми последствиями. Но взять на себя ответственность за принятие решений этот человек был не готов. Он смотрел на гуровского пленника. На него же уставился и следующий воспрянувший участник драки, и Гуров понял, что прижал главаря.

Пришел в себя и Крячко. Он совсем не по-джентльменски двинул кулаком под дых того, кого держал Гуров, а потом, страшно ругаясь, надел на него наручники. Через несколько секунд стало окончательно ясно, что сопротивления не будет – главный был выключен из процесса полностью, а двое его очухавшихся приятелей кое-что сообразили и притихли.

Некоторое время оперативники и парни с разукрашенными физиономиями мрачно и недоверчиво смотрели друг на друга. Потом Гуров сказал:

– Ладно, придурки великовозрастные, может быть, объясните наконец, что это все означает?

Вопрос оказался «придуркам» явно не по силам. Они долго собирались с мыслями, а потом один из них мрачно признался:

– Типа того, ошибка вышла, начальник. Сгоряча это мы... Вообще-то мы с хозяином пришли разобраться.

– Не лучшее время вы выбрали, чтобы ошибаться, – сказал Гуров. – За нападение на сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей... А кстати, с чего это вы вообще вздумали напасть?

– А ты правильно сказал – придурки, – объяснил Крячко. – Бог обидел, да и с образованием тут явная напряженка. Два класса и коридор, не иначе. Подлетели на своей тачке, как бешеные, чуть ворота не снесли. Я сразу-то не среагировал, потому что этого задохлика к месту пристраивал. А тут вваливается эта банда и сразу, без разговоров – в пятак! Ну я, конечно, немного расстроился...

– Это я уже видел, – перебил его Гуров. – Руки-ноги у тебя, надеюсь, целы?

– Нога, наверное, опухла, – мрачно сказал Крячко. – Этот гад пнул в самую чашечку. Если лишусь ноги, ему обе поотрываю!

– Согласен, – сказал Гуров. – Но где же референт? Может, он нам сможет что-то членораздельно объяснить?

– Ничего он не сможет, – презрительно заявил Крячко. – Потому что вот этот, с седым клоком, так долбанул его по черепу, что твой референт, Лева, улетел, по-моему, на луну... Во всяком случае, я его больше поблизости не видел.

Референт действительно не подавал никаких признаков жизни и словно растворился в воздухе, поэтому Гуров сосредоточил все внимание на человеке, который лежал в наручниках у него под ногами. Крячко отметил совершенно правильно – у этого типа на лоб среди прочих прядей русого цвета спадала одна, имеющая благородный седой оттенок. Наверное, это было у него врожденным – для настоящей седины парню было еще далеко.

Гуров поманил его приятелей поближе. Они неохотно подчинились, опасливо косясь на пистолет.

– Ну, если языки у вас плохо ворочаются, то давайте по порядку! – распорядился Гуров. – Кто такие? Анкетные данные, род занятий, адреса! И с какой целью здесь появились – выкладывайте все!

– Ну-у... Я вот Микола, – явно смущаясь, сказал один из парней. – А это – Славик. Мы с Пашей Липецким...

– Вот только кликух не надо! – резко прикрикнул на него Крячко. – Отвечай по-человечески – имя, фамилия...

– А это и есть имя, – виновато ответил назвавшийся Миколой. – Вот он и есть Паша Липецкий. Фамилия его такая. – Он кивнул на человека в наручниках.

Тот, словно ожив при звуке своего имени, заворочался на асфальте, захлопал глазами и попытался сесть. Из его горла вырвался хриплый звук, отдаленно напоминающий распространное матерное ругательство. Крячко наклонился и крепко взял его за шиворот.

– Спокойнее, Паша Липецкий! – сказал он с угрозой. – Будешь выкидывать фортеля, я тебе враз свою ногу припомню. Документы при себе есть?

Человек с седой прядью опять выругался и со злобой уставился на своих товарищей, которые переминались с ноги на ногу, относительно свободные и почти не пострадавшие.

– А вы кто такие? – наконец сумел он сформулировать давно тревожившую его мысль.

– В самом деле, пора объяснить товарищам, на кого они подняли свою неумытую руку, – усмехнулся Крячко и сунул Липецкому под нос свое удостоверение.

Реакция пленника была для него неожиданной.

– Ну правильно, в натуре! – убежденно сказал тот. – Взяли наконец за жопу этого подлюгу? Давно пора! А то я его точно урою, и придется за эту тварь на нарах париться.

Гуров удивленно посмотрел на его разгневанное лицо.

– Вы сейчас о ком, Паша Липецкий? – спросил он. – За зигзагами вашей мысли очень трудно уследить. Попрошу прокомментировать.

– А? – нахмутив лоб, переспросил пленник. – Кого комментировать? Я говорю, правильно вы за этого чучельника взялись. Только мозги людям парит. Злой я на него до невозможности. Потому и вам досталось. Я ведь что думал? Я ведь думал, что вы из его команды, в натуре. Ну и не выдержало сердце!

– Слабое у тебя сердце, Паша! – усмехнулся Крячко. – Вот и у меня оно тоже такое. Слабое, но отходчивое. Так что, если ты все нам сейчас толком расскажешь, я могу даже позабыть про свою искалеченную ногу. А в противном случае можешь поискать в своем мобильнике номер своего адвоката. Последние гроши на него истратишь, и все равно пятерик я тебе обещаю.

– Ну вот, – искренне огорчился Паша Липецкий. – Я вам все, как оно было на самом деле, объясняю, а вы сразу – пятерик... За что пятерик? Человек имеет право на состояние аффекта?

– А чего это тебя в аффект бросило, Паша? – спросил Гуров. – Ты вообще кто по жизни? Документов у тебя с собой, значит, нет?

– Есть документы, – буркнул Паша. – В нагрудном карманчике. Только у меня копыта на замке – сами доставайте.

– Мы не гордые, мы достанем, – сказал Крячко.

Он вытащил у Липецкого из кармана паспорт и внимательно его просмотрел.

– Все сходится, Лева! – сообщил он. – Все на месте – прописка, штамп о браке. Даже дети записаны. Маленькие еще. Когда он в тюрьму сядет, лет пять еще можно будет заливать, что их папа – полярный летчик...

– Да ладно, летчик! – сумрачно проговорил Липецкий. – Я водкой торгую. У меня все законно – лицензия, аренда, кому надо – на лапу всегда отстегиваю. Последняя судимость уже два года как снята. Никому не мешаю, все реально...

– А чем же тебе чучельник не угодил? – спросил Гуров. – И с какой стати ты вдруг нас за его команду принял? Никогда не слышал, чтобы таксидермисты в команды сбивались.

– Чего? Я вам не про таксистов толкую. Я про этого, который чучела кроит. Ликостратов его фамилия. Крутого из себя строит. Лишнего не базарит, бабками сорит, тачки у него... Только все это понты. Я все равно его достану, никуда он от меня не денется.

– Опять ты за свое, Паша! – перебил его Крячко. – Ты толком объясни, чем тебе Ликостратов не угодил. Кстати, таксидермист по-научному – это и есть тот, кто чучела делает, а вовсе не баранку крутит. Это тебе для общего образования.

– Чем не угодил? А вот как вы рассудите? Я этому жлобу три месяца назад тушу привез – вот пацаны подтвердят. Лося! Красавец! Рога – во! Договорились, он мне башку оформит, чтобы на стенку дома повесить. Я ему аванс отстегнул неслабый. И что? Первый раз к нему по-хорошему приехал – не готово. Приехал еще раз. В отъезде. Звоню – завтраками кормит. Работы, говорит, много срочной. А моя работа, значит, несрочная? Я предупредил, что через два дня зайду – чтобы все было. Через два дня – опять в отъезде. На звонки вообще перестал отвечать. Я так понял, что решил он меня кинуть по-наглому. Тогда я сам не поехал – послал своего пацана, Мамай. У нас где Мамай прошел, – ухмыльнулся он, – там еврею делать нечего. Я, между прочим, еврей по бабиной линии. Давно бы в Израиль свалил, но там таких не принимают, да и с языками у меня беда. А он упорный – Мамай. Копейку задолжаешь, так он из тебя ее вместе с душой вытрясет.

В этом месте Гуров многозначительно посмотрел на Крячко, но перебивать Липецкого не стал.

– Короче, поехал Мамай, – продолжал Паша, – и не вернулся. А вы говорите, откуда команда! Чтобы с Мамаем разобраться, команда нужна. Ну, мы подождали день и поехали. Мамай освободать, и вообще... Злые были до упора, сами понимаете. Не осознавали, что делаем. А тут вы подвернулись. Кто же знал?

– Ты водкой так же торгуешь – не осознавая? – спросил Гуров. – Ладно, вставай – я тебе кое-что покажу, Паша Липецкий!

Крячко помог Паше подняться на ноги, и тот, недоверчиво поглядывая на Гурова, побрел за ним в гараж. Крячко никуда не пошел – счел нужным присмотреть за оставшимся воинством, да и нога у него разболелась не на шутку. Но ругал он в основном себя – можно было разобраться с этими недотепами и поумнее, без кулачного боя, все-таки не мальчик уже.

Между тем Гуров ввел Пашу под своды гаража и молча указал на застывшее возле машины тело. Липецкий несколько секунд безо всякого выражения смотрел на труп, а потом вдруг резко побледнел и испустил длинную матерную тираду.

– Ну ничего себе! – потрясенно пробормотал он затем. – Он что, в натуре, мертвый? Как же это, а?

– Так вы подтверждаете, что убитый вам знаком? – спросил Гуров. – Когда вы его в последний раз видели живым?

– А? Живым? – Липецкий никак не мог прийти в себя. – Подтверждаю. Мамай это. Наш пацан. То есть Мамаев Игорь его зовут по бумагам. Ни вчера не пришел, ни сегодня. И мобильник, думали, отключил. А он вон, значит, как...

Изложив таким способом свои взбаламученные мысли, Липецкий замолчал, не в силах оторвать взгляда от неподвижного тела на полу.

– Послушайте, Павел, – сказал Гуров. – Вы отдаете себе отчет, в какую неприятную историю влипли? Вы послали своего пацана разбираться с человеком, которого считаете долж-

ником. Разбирательство было настолько жестким, что привело в конечном итоге к убийству. Убийца, безусловно, виноват, но и ваши действия носят весьма сомнительный характер.

– Кто же знал? – безнадежно произнес Липецкий. – Я не хотел мочить. Я думал, поговорят по-мужски... Ну, в натуре, что за дела – слово же надо держать! Аванс ведь взял...

– У вас теперь есть только один выход, Липецкий, – сказал Гуров. – Рассказать все без утайки, с самого начала. Мне важно знать все про Ликостратова. Все, что можете вспомнить. Его привычки, связи, все, что вы можете знать о его планах. В этом случае я готов закрыть глаза на вашу, гм, ошибку... Я имею в виду то недоразумение, которое здесь только что произошло. А вот за рукоприкладство в отношении референта министра придется отвечать.

– Какого еще министра? – опешил Липецкий.

– Которому вы лично подвесили, – сказал Гуров. – А эта категория граждан чрезвычайно обидчива, насколько я знаю.

– Ну понятно, – пробормотал Липецкий. – Только что же я могу знать о планах этого гада Ликостратова, если я сам его найти никак не могу? А теперь, когда он Мамаю замочил, он вообще, наверное, в бега подался. Искать его надо.

– Золотые слова, – похвалил Гуров. – Весь вопрос в том, где искать. Есть соображения?

– А в доме смотрели? – простодушно спросил Липецкий.

– Думаете, дальше спальни он не побежал? – прищурился Гуров. – Мне так не кажется. Сдается мне, что Ликостратов так быстро постарался отсюда убраться, что даже дверей запирать не стал и от тупа не избавился. Даже машину свою бросил – так торопился.

– Постойте, – наморщил лоб Липецкий. – А где тачка Мамаю? Он же на тачке сюда приехал. Он «Ситроен» недавно купил новый, цвет «металлик», все облизывал его, как сучка щенка. А я этой тачки не вижу. Вот вам и ответ на вопрос. «Ситроен» искать надо!

– «Ситроен»? – сказал Гуров. – Так за сутки можно уехать на край света.

– У вас же этот... план-перехват, – подсказал Липецкий. – Команду дайте, и все дела.

– Ладно, команду так команду, – вздохнул Гуров. – Пойдемте на воздух. Трогать здесь ничего не будем.

Они вышли из гаража и тут же увидели референта Пивоварова. Он выглядывал из-за «Мерседеса», а за его спиной неуверенно маячили уже знакомые Гурову лица охранников. В руках у Жирнова грозно темнело помповое ружье. Охранники были встревожены, но на решительные действия явно не покушались. Гуров подумал, что и ружье у них, скорее всего, не заряжено, а может быть, даже и не стреляет вовсе.

– Полковник, я тут принял меры! – нервно выкрикнул из-за «Мерседеса» Пивоваров. – Нужно обезвредить этих негодяев! Вы их уже арестовали?

Под глазом у него синело что-то, похожее на большую сливу. Он прикрывал синяк рукой, но кое-что рассмотреть можно было даже издали.

– Николай Иванович! Идите сюда! – сказал Гуров. – Мы никого не арестовали, но всех уже обезвредили. Вам ничего не угрожает. Можете даже пожать этим негодьям руки. Оказывается, все это было недоразумением.

Пивоваров разочарованно махнул рукой и ушел за ворота. Гуров тоже вышел на улицу и заговорил с охранниками.

– Все нормально, ребята, – сказал он. – Только у меня к вам еще один вопрос. Примерно в то же самое время, когда Ликостратов домой вернулся, не появлялся ли здесь новый «Ситроен», цвет «металлик»?

Жирнов опустил ружье, на секунду задумался.

– А ведь верно, был «Ситроен», – сказал он. – Чуть пораньше приехал. А уехал обратно вскоре после того, как черная «Нива» появилась. Точно, примерно в то самое время все и было.

– А кто в «Ситроене» сидел? – спросил Гуров. – Когда туда ехал и когда обратно?

Жирнов покачал головой.

– Вот этого не скажу, не приглядывался. Да и быстро все это было. А что у вас тут случилось-то?

– Это у вас случилось, – ответил Гуров. – В гараже Ликостратова человека убили.

Глава 4

Следователь Балувев долго тер щеки ладонями, разгоняя кровь, а потом пожаловался вполголоса:

– Устал я что-то сегодня, Лев Иванович! Просто засыпаю на ходу. Говорят, это все от весеннего времени года – авитаминоз и все такое прочее. А ты как думаешь?

Он сквозь полуопущенные веки серьезно посмотрел на Гурова, ожидая ответа. Глаза у него были красные и припухшие. Гуров проследил, как рука Балувева наработанным жестом вытягивает из пачки сигарету, и заметил:

– А я думаю, просто устал, и все. Да еще куришь ты много, Сергей Михайлович. Поневоле устанешь. Ты же все время как на пожаре.

– А как не курить? – возразил Балувев. – С вами закуришь! Вот теперь ты мне еще один труп подбросил. Не думали, как говорится, не гадали, а тут Лев Иванович Гуров нам сюрприз приготовил. Не захочешь, а закуришь.

– Для меня самого это убийство полной неожиданностью стало, – сказал Гуров. – Тоже о чем угодно думал, но никак не о криминале. Зато теперь чего только в голову не лезет! Жаль, ничего толкового. Вот чего я никак не пойму – так это мотивов убийцы. В том случае, если убийца Ликостратов, конечно. Пусть даже погибший угрожал ему, пусть произошла между ними стычка и Ликостратов в порядке самообороны убил. Ну скажи на милость, с какой стати он после этого бросает все свое хозяйство, садится в чужой автомобиль и уезжает неизвестно куда? Это же паранойя какая-то!

Балувев чиркнул спичкой и старательно раскурил сигарету. Потом внимательно посмотрел на Гурова.

– На паранойю не похоже, – сказал он. – Больше на панику похоже. Думаю, дело гораздо серьезнее, чем нам его Липецкий представить хочет. Он мне вообще не нравится. И эта история про лося ничего не доказывает. Бывают такие отморозки, которые за бутылку водки человека готовы зарезать, сам знаешь. А тут аванс и прочее... Однако меня не то удивляет, как вся эта каша заварилась, а то, каким образом ты, Лев Иванович, в самом центре вдруг оказался. Или ты у нас охотой баловаться стал? С какой это стати тебя на чучела вдруг потянуло?

Гуров слегка улыбнулся.

– Да не потянуло меня на чучела, Сергей Михайлович, – сказал он. – Как говорится, на ловца и зверь бежит. Ты извини, я деталей пока объяснять не буду, потому что руководство не считает нужным эту информацию разглашать, но честно скажу, что такого расклада даже я в уме не держал. Явился я в Плетнево по самому невинному поводу. Собственно, Ликостратова я и искал.

– Вот как? Интересно! – скептически скривил губы следователь. – А я-то думал, что ты там английскую королеву искал. А ты, оказывается, Ликостратова... Вот это меня и озадачивает – с чего бы вдруг?

– Да все это выеденного яйца не стоит, – неохотно сказал Гуров. – Нет, честно, глупо все получилось. Ну, попросило руководство. Исчез вдруг Ликостратов. Обещал кое-кому чучело набить и исчез. А заказчик ждать не привык. Вот я на старости лет курьером и заделался.

– Ну, значит, не так уж и глупо получилось, – прищурился Балувев. – Руководство, оно не ошибается. Знает, кого и куда послать. А все же, что это за клиент? Нет ли тут какого-то подтекста?

– Тут все, что хочешь, может быть, Сергей Михайлович, – сказал Гуров. – Только мне настоятельно не рекомендовали путать причину и следствие. Особенно следствие в том смысле, в котором ты его осуществляешь. Ликостратов сам по себе, а та причина – сама по себе. Считай,

что я в Плетневе по просьбе знакомого оказался. Ну, ты его знаешь – он тебе показания уже давал – Пивоваров Николай Иванович.

– Ага, этот значит? И давно ты с ним знаком?

– А со вчерашнего дня и знаком. Или даже с позавчерашнего. Какая разница? Для настоящей дружбы важны взаимные интересы, а не сроки.

– И что же за общие интересы у вас с референтом министра? – спросил Балуюев.

– Да он же уволен, – сделал удивленные глаза Гуров. – По собственному желанию. И уже не референт, а простой безработный. Любитель охоты.

– Знаю я, до чего он любитель, – проворчал Балуюев. – Запах мне послышался от него... специфический. Ну ладно, все это чистая философия, а нам с тобой преступника искать нужно. Надеюсь, ты до конца эту историю намерен довести?

– Если не отстранят, – кратко ответил Гуров.

– А мы никому на мозоль наступать не будем, – успокоил его Балуюев. – Тут я кое-кого допросил, и выяснилась такая вещь. Ликостратов – человек многим нужный и связей имеет немало. Но я подумал, может, в первую очередь его среди близких поискать? У него жена имеется, сын взрослый.

– Это я знаю. С женой он в разводе, а сын тоже неизвестно где.

– Тем не менее. Как ни крути, а родная кровь есть родная кровь. Если человеку деваться некуда, он неизбежно к своим близким побежит.

– А если не побежит? – возразил Гуров. – По «Ситроену» Мамаева пока никаких сообщений не имеется. Никто его нигде не видел. Не исключено, что Ликостратов на нем очень далеко подался.

– Ну, вообще-то похоже на то, – признался Балуюев. – Та же история, что и с воротами. Сейф открытый бросил, а в сейфе практически пусто. Но вообще в доме необходимо более тщательный обыск проводить. Масса всяких вещей. Чучела эти... При этом никаких деловых бумаг, никакой регулярной переписки. Эксперты сейчас просматривают все, что удалось выудить, – автоответчик, кое-какие записи, машины смотрят – «Ниву» в особенности. Факт, что Ликостратов куда-то далеко ездил. Вопрос – куда? И вопрос не праздный, потому что ради этой поездки он даже собственной безопасностью пренебрег.

– Вообще, странная штука получается, – заметил Гуров. – Только когда человек попадает в поле зрения следствия, выясняется, как мало о нем известно. А меня не покидает ощущение, что Ликостратов не Мамаю испугался и не Липецкого. Они, конечно, ребята шепутные, но вряд ли могли настолько испугать человека, чтобы он все бросил и очертя голову рванул неизвестно куда. Тут, по-моему, какая-то третья сила задействована, Сергей Михайлович. Та, о которой нам ничего не известно. А Мамай, он не в добрый час подвернулся просто.

– Ну вот тебе и версия, – сказал Балуюев. – Всего-то делов и осталось – найти эту силу. Я, правда, ее не вижу, но тебе доверяю. Найдешь – честь тебе и хвала. А мне хватит, если ты самого Ликостратова найдешь. Мне на себя вешать еще одного «глухаря» неохота.

– А кому охота? – согласно кивнул Гуров. – А ты бывшую супругу Ликостратова на допрос вызывать не пробовал?

– Сразу же, повесткой, – ответил Балуюев. – Плюс лично звонил на дом. Ни ответа, ни привет. Автоответчик и полное отсутствие гражданского самосознания. А может, тоже в бега подалась. Знаешь, как бывает? Муж с женой для всех в разводе, а на самом деле такие дела вместе делают...

– Ну уж не думаю, чтобы Мамаю они вдвоем убивали, – усомнился Гуров. – А раз так, чего же ей бояться? И потом, есть информация, что бывшего мужа она на дух не переносит.

– Я на слово не верю, – возразил Балуюев. – Если только тебе.

– Если чего будет – я сразу сообщу, – сказал Гуров, заканчивая разговор. – Но и ты про меня не забывай.

– Про тебя забудешь! – саркастически отозвался Балуюев.

Гуров вышел из прокуратуры и направился к своему автомобилю. Он предвидел, что начинать все равно придется с родственников Ликостратова, а потому заранее созвонился с Пивоваровым. Все-таки он был знаком с бывшей женой таксидермиста и, видимо, мог находить с ней общий язык. Гуров всегда испытывал предубеждение, общаясь с людьми, которые называли себя экстрасенсами, колдунами и предсказателями. Посредник ему сейчас бы не помешал.

Пивоварова он выбрал по трем причинам. Во-первых, внутреннее убеждение, что бывший референт знает о случившемся больше, чем говорит, не оставляло Гурова. Во-вторых, выбыл из строя верный партнер Крячко, который по совету хирурга сидел дома и втирал в разбитое колено целебные мази. А в-третьих, вопреки первоначальному впечатлению, Гуров начинал испытывать симпатию к незадачливому референту, карьера которого оборвалась так внезапно и несправедливо. Действительно, с нынешнего утра Пивоваров уже не работал в министерстве и вообще нигде не работал. Гуров опасался, что высвободившуюся при этом энергию Пивоваров может теперь целиком направить на реализацию своего хобби, которое и до того подтачивало его благополучие.

Поэтому он не исключал того варианта, что на встречу Пивоваров не явится. Но опасения, к счастью, оказались напрасными. Едва Гуров появился на тротуаре, как из стоявшего на противоположной стороне улицы ярко-желтого «Фольксвагена» выскочил Пивоваров и замахал ему рукой.

Сегодня Пивоваров был в новом, песочного цвета костюме и розовой сорочке. Он был тщательно выбрит, а на носу у него сидели черные очки. Без них он теперь никуда не показывался.

– Лев Иванович, здравствуйте! – запыхавшись, выпалил он, перебежав через улицу. – Я уже здесь, как договаривались.

– Давно ждете? – сочувственно спросил Гуров.

Он был приятно удивлен – вопреки ожиданиям, от Пивоварова совершенно не пахло спиртным.

– А, ерунда! – махнул рукой Пивоваров. – У меня теперь куча времени. Некуда девать, сами знаете.

– Что же, выходит, конец карьере? – спросил Гуров. – И никакой надежды?

– В этой лавочке – никакой, – подтвердил Пивоваров. – По правде говоря, мы с шефом и так уже плохо ладили – вы знаете, – а после того как мы с вами у Ликостратова труп нашли, я вообще стал нежелательной персоной. С одной стороны, я шефа понимаю – зачем ему такие референты, которых за смертью посылать? Но, с другой стороны, сам виноват. Дружбу можно водить с кем угодно – главное, вовремя остановиться.

– Ну, вот он и остановился, – сказал Гуров. – Насколько мне известно, теперь ваш Валентин Алексеевич даже имени Ликостратова слышать не желает.

– А я хочу вас порадовать, – заявил Пивоваров. – Я уже созвонился с этой дамой, и она милостиво согласилась нас принять.

– Вот как? – удивился Гуров. – Не ожидал, что это так легко у вас получится.

– Сегодня она в хорошем расположении духа. Возможно, нам даже удастся разговорить ее, – заявил Пивоваров.

Глава 5

Дом, где проживала бывшая жена Ликостратова, располагался на обширной площадке, украшенной изумрудно-зелеными газонами. Ближайшим строением было здание школы, откуда доносились веселые детские голоса. Впрочем, едва лишь Гуров вышел из машины, как голоса эти начали стихать, а яркие суетливые фигурки, сновавшие вокруг школы, постепенно исчезли, словно растворившись в воздухе, – видимо, перемена закончилась.

Пивоваров подъехал следом, вышел и, озабоченно поглядывая по сторонам, запер машину. Потом кивнул в сторону дома.

– Четвертый этаж, – сказал он. – Маргарита Альбертовна Вагнер. Как пишут в газетах – черная и белая магия, гадание по картам Таро и приворот... Средневековье, конечно, но людям почему-то нравится.

Поднялись на четвертый этаж, позвонили. Гуров предполагал, что по закону бутерброда намеченная встреча вполне может сорваться и хозяйка найдет сто причин избежать неприятного для нее разговора. Но, видимо, Пивоваров знал, что делает. Гадалка была дома.

Их встретила яркая черноволосая женщина лет сорока, со жгучими восточными глазами, обладавшая специфической резкой красотой, – так иногда изображают в детских сказках злых волшебниц. Лицо ее было уже слегка увядшим, и она оживляла его чересчур ярким макияжем. В целом первое впечатление о ней сложилось у Гурова сложное – по своей воле он вряд ли стал бы искать общения с такой женщиной.

Кажется, она ждала именно их. Обожгла обоих понимающим взглядом и улыбнулась любезной, но абсолютно неживой улыбкой.

– Здравствуйте, Маргарита... Альбертовна! – как-то неловко пробормотал Пивоваров. – Вот привел к вам гостя, как обещал. Очень достойный человек. Профессиональный сыщик, ас своего дела.

– Я и сама вижу, какой это человек! – низким грудным голосом произнесла хозяйка, еще раз окидывая Гурова взглядом и многозначительно усмехаясь. – Мне объяснять не нужно.

«Начинается! – подумал Гуров. – Ворожба и чтение по линиям руки. Сама она видит! Хорошенькое начало!»

Однако вслух этого заявления он комментировать никак не стал – только сдержанно улыбнулся в ответ и поклонился. Маргарита Альбертовна величественным жестом направила их с Пивоваровым в соседнее помещение, которое оказалось большой и мрачной комнатой, оформленной, по мнению Гурова, вполне в духе черной магии, – здесь было совсем мало света и очень много тяжелых занавесей из фальшивого бархата. Мебель тоже была подобрана в соответствующем стиле – старинная, с пузатыми резными ножками. В медном канделябре на стене горели толстые ароматические свечи, распространявшие вокруг сладковатый дурманящий запах. Гуров невольно поискал по сторонам глазами – не найдется ли в этой мрачной обители чего-нибудь совсем уж экзотического – сушеных летучих мышей или человеческого черепа? Но если даже хозяйка и держала в доме что-то подобное, то сейчас все было надежно припрятано. Даже карт, по которым предсказывают будущее, что-то нигде не было видно.

– Прошу садиться, – сказала хозяйка. – Для посетителей у меня вот эти кресла. А я всегда сижу на своем троне...

Последние слова она произнесла с иронической интонацией, но, когда они все расположились в предложенном порядке, оказалось, что в самой выгодной позиции находится хозяйка. Она сидела так, что ее лицо почти полностью было закрыто зловещими тенями, а весь свет, который наличествовал в комнате, падал на лица гостей.

«Недурно! – подумал Гуров. – Этой даме в следственном управлении бы работать. Хватка у нее подходящая. И психолог она, видно, от бога».

– Я думаю, мы можем обойтись без вступлений и ритуалов? – с холодной усмешкой произнесла Маргарита Альбертовна. – Мы все деловые люди, верно? Вы хотели меня о чем-то спросить, господин сыщик?

– Можете называть меня Лев Иванович, – сказал Гуров. – Мне не очень нравится определение «сыщик», особенно когда это слово произносит женщина. А разговор пойдет о вашем бывшем муже, если Николай Иванович вас не предупредил.

– Мне не очень нравится говорить о своем бывшем муже, – в тон ему ответила Маргарита Альбертовна.

– Поймите, ваш бывший муж подозревается в убийстве. Кроме того, есть еще ряд обстоятельств, которые требуют объяснений. Вы долго были в браке с Ликостратовым?

– Более двадцати лет, – сказала хозяйка. – Я понимаю ход вашей мысли. Люди, так долго прожившие вместе, не могут не знать друг о друге всего. Так ведь?

– Ну, примерно так, – согласился Гуров. – В вашей семье все было наоборот?

– В нашей семье было по-всякому, – отрезала Маргарита Альбертовна. – В последние годы, как вы понимаете, мы все более отдалялись друг от друга. Сын давно вырос, стал самостоятельным...

– А чем, кстати, занимается ваш сын? – спросил Гуров.

От его внимания не укрылось, что такой несложный вопрос вызвал у женщины замешательство. Она напряглась, и взгляд ее метнулся в сторону помалкивающего в своем кресле Пивоварова. Маргарита Альбертовна словно искала у него помощи. Пивоваров заерзал и смущенно закашлялся. Гуров покосился на него.

Бывший референт даже в этом помещении, похожем на подzemелье, остался в черных очках. Он сидел, положив ногу на ногу, и с деланным равнодушием что-то высматривал по углам. Интересоваться там было абсолютно нечем, но Гурову показалось, что Пивоваров просто старается лишний раз не смотреть на хозяйку. И правда, смотреть на ее черный неподвижный силуэт было не слишком уютно. Но Пивоварову, похоже, вообще не хотелось принимать участие в беседе. С одной стороны, это было вполне естественно, потому что беседа непростая, но, с другой стороны, он – организатор этой встречи и мог бы быть поактивнее.

Кроме того, по некоторым неуловимым жестам и неким едва ощутимым флюидам Гуров предположил, что между Пивоваровым и Маргаритой Альбертовной существует более тесная связь, чем просто шапочное знакомство. Он, конечно, мог и ошибаться, но ощущение этого не покидало Гурова с того самого момента, как они вошли в жилище гадалки.

– Мой сын занимается бизнесом, – ответила наконец хозяйка с некоторой досадой. – Что-то продает, что-то покупает. Я в этом не разбираюсь. Он очень часто бывает в разъездах.

– Вы не знаете, чем занимается ваш сын? – удивился Гуров.

– А вы не знаете современную молодежь?! – воскликнула Маргарита Альбертовна. – Из них лишнего слова не вытянешь. «Все нормально» да «не твое дело» – вот и весь разговор.

– Но вы же видите! Наверное, и с отцом он тоже видится. Как-то вы находите друг друга. Ваш сын сейчас, я слышал, в отъезде. Вы ничего не знаете о муже. Но о сыне вы что-то должны знать. Где он? Когда вернется?

– Он уехал – вот и все, что я знаю, – сказала хозяйка. – Примерно неделю назад. Сказал перед отъездом, что вернется дней через десять-двенадцать. Когда он возвращается, он мне звонит. А иногда забывает.

– А вы ему?

– Я не люблю навязываться, – гордо сказала женщина. – Даже собственному сыну.

– Но, по крайней мере, номер его телефона у вас есть? Тогда не откажите в любезности – позвоните ему на этот раз обязательно. Он возвращается поездом? Самолетом?

– Он всегда ездит на собственной машине. Предпочитает не зависеть от расписаний.

В голосе Маргариты Альбертовны явственно слышалось раздражение. Гуров чувствовал, что напряжение в комнате нарастает. От запаха свечей слегка кружилась голова.

– Может быть, гм... Нам стоит вернуться к началу разговора? – неожиданно вмешался Пивоваров. – Не хочу навязывать свою точку зрения, но что нам даст встреча с сыном? Раз он уезжал, все это для него будет неприятным сюрпризом. Может быть, стоит еще раз попробовать вспомнить, кому может довериться сейчас Сергей Степанович?

Говоря это, Пивоваров пялился через очки на Гурова, но говорилось все это для Маргариты Альбертовны – в этом у Гурова не было сомнений. В какую-то минуту она искала помощи у референта, и теперь эта помощь пришла. Пивоваров чувствовал, что разговор о сыне для хозяйки крайне неприятен, и переводил его в другое русло. Он словно хотел напомнить гадалке о том, что она должна была сказать с самого начала. Все это еще сильнее укрепило Гурова в мысли, что на самом деле взаимопонимания между гадалкой и референтом гораздо больше, чем они хотели продемонстрировать.

Слова референта заставили Маргариту Альбертовну взять небольшую паузу, а потом она вдруг сказала просветлевшим голосом:

– Наверное, я могла бы предположить, кому мог довериться мой бывший муж. Речь идет о женщине, которая сыграла роковую роль в нашей жизни. Проще говоря, Сергей Степанович изменял мне с ней. Я слышала, что они расстались, но, пожалуй, он мог обратиться к ней в трудную минуту. Ее зовут Плетнева Анастасия Владимировна. Я могу дать вам ее адрес. Но она проживает не в Москве, а в Подольске.

– Давайте адрес, – сказал Гуров.

Маргарита Альбертовна тихо поднялась и, качнув бедрами, прошла мимо Гурова к выходу. Дверь бесшумно закрылась за ней. Пивоваров заворочался в кресле и пробормотал извиняющимся тоном:

– Своеобразная женщина... Я знал, что с ней будет непросто. Но все же кое-что нам удалось узнать, как вы полагаете? Любовница – это реальный след.

– Жизнь покажет, – сухо ответил Гуров.

Неожиданное многословие спутника настораживало его. Бывший референт все более начинал казаться ему лицом заинтересованным. Этот факт требовалось осмыслить, но в душевной атмосфере неуютного помещения думалось плохо. К тому же уже вернулась хозяйка и молча протянула Гурову сложенный вдвое листок плотной бумаги. Он заглянул в него – адрес был написан разборчивым, четким, практически мужским почерком. Профессиональный графолог, наверное, предположил бы у обладателя такого почерка сильный характер, но Гурову и предполагать ничего не нужно было – негибемый характер гадалки выпирал из каждого ее жеста, из каждой интонации.

– Спасибо, – сказал Гуров. – Мы проверим этот вариант. Как только появится ваш сын – дайте мне знать, Маргарита Альбертовна. Да и сами, если что вспомните или узнаете, сразу сообщите мне вот по этим телефонам.

Гуров положил на столик свою визитную карточку. Маргарита Альбертовна, не двинувшись с места, безразлично на нее посмотрела, а потом перевела вопросительный взгляд на Гурова. Высказанный вслух, вопрос этот мог звучать так: «Когда же ты наконец уберешься?»

Гуров поднялся и спрятал листок с адресом в нагрудный карман.

– Ну что же, пожалуй, мы с Николаем Ивановичем пойдем, – объявил он. – Кое-какое представление о вашем семействе я получил. Во всяком случае, у меня сложилось впечатление, что теперь я знаю, в каком направлении действовать.

Он с удовольствием отметил, что после этих слов на лбу хозяйки появилась озабоченная складка. Она явно пыталась сообразить, куда клонит Гуров и что такое стало ему понятно. Гурову это показалось забавным – предсказательница чужого будущего изо всех сил пыталась

заглянуть в собственное, но ничего, кроме тумана, там не видела. Хорошо, что в этот момент поблизости не было клиентов, – худшей антирекламы и придумать было трудно.

Однако беспокойство Маргариты Альбертовны быстро сменилось радостным оживлением. Она с облегчением восприняла намерение Гурова откланяться и не имела никакого желания его задерживать.

– Вы идете, Николай Иванович, или у вас свои планы? – тут же обратился Гуров к Пивоварову, который явно замешкался и даже еще не поднялся с кресла.

– Нет-нет, я с вами! – Референт поспешно вскочил и присоединился к Гурову уже на пороге. – Задумался, знаете ли... Прощайте, Маргарита Альбертовна!

Пивоваров вдруг начал ощутимо нервничать. В нем не осталось и следа той флегматичности, которой он поразил Гурова при первой встрече и которой, по правде сказать, не замечалось в нем сегодня с самого начала.

Теперь же он просто напоминал Гурову до предела натянутую струну. Чувствовалось, что ему хотелось как можно скорее избавиться от Гурова. Он почти бегом выскочил из подъезда и устремился к своей машине. Гуров едва успевал за ним.

Впрочем, в последнюю минуту референт опомнился и обернулся к Гурову.

– Да, весьма своеобразная особа, – некстати проговорил он и криво улыбнулся. – Наверное, вы ругаете меня на все корки, полковник? Но, может быть, действительно стоит съездить в Подольск? По-моему, в этой идее есть резон...

– Обязательно съездим, – благодушно сказал Гуров. – Прямо сегодня и отправимся. А вы сейчас куда, Николай Иванович, в центр?

– Пожалуй, нет. Мне сейчас нужно... Одним словом, тут рукой подать – нужно родственника навестить в больнице. Так все недосуг было, а теперь времени у меня навалом, да и рядом вот оказался... Заскочу сейчас в ближайший супермаркет, возьму каких-нибудь фруктов. А вы, значит, сейчас в Подольск?

– Ну, не совсем сейчас, – пожал плечами Гуров. – Сначала наведаюсь в главк, обсудим ситуацию. Кстати, возможно, экспертиза что-нибудь уже подкинула...

– Вы разберетесь! – нетерпеливо сказал Пивоваров и почему-то посмотрел на часы. – Я уверен, что вы разберетесь, Лев Иванович! Может быть, прямо сегодня и разберетесь. Приедете, допустим, в Подольск, а Ликостратов там!

– Вашими бы устами... – проворчал Гуров. – Хотя в жизни всякое случается. Если повашему получится, с меня бутылка коньяка.

– Если уж так случится, – с наигранным весельем сказал Пивоваров, – разопьем эту бутылку вместе. Непременно!

– Заметано! – кивнул Гуров. – Ну, давайте тогда до встречи!

Они пожали руки и разошлись по своим машинам. Выезжая в переулок, Гуров увидел, как Пивоваров махнул ему рукой и поспешно развернул «Фольксваген» в сторону улицы Лобачевского. Гуров медленно повернул в противоположную сторону, проехал метров пятьдесят и остановил машину у тротуара. Затем он вышел и размеренной походкой вернулся туда, откуда они только что с Пивоваровым выехали.

Чтобы не мозолить глаза, Гуров занял наблюдательную позицию под большим деревом неподалеку от школы и стал ждать. Почему-то именно сейчас у него вдруг возникло желание закурить, и Гуров пожалел, что не имеет обыкновения носить с собой сигареты. Желание затянуться сигаретным дымом приходило к нему нечасто – только в те моменты, когда голололомка, которую подбрасывала жизнь, оказывалась неожиданно тверже, чем ожидалось вначале. Что-то подобное Гуров испытывал и сейчас, после встречи с гадалкой. Никаких реальных фактов у него не было, но он чувствовал взаимопротивление между Маргаритой Альбертовной и Пивоваровым. Они были связаны между собой незримыми, но прочными нитями, которые при желании можно было пощупать. На протяжении всего разговора от них исходили явствен-

ные вибрации. И эта подсказка Пивоварова о любовнице. Он, конечно, ни слова не сказал ни о женщине, ни о населенном пункте, но складывалось впечатление, что без его суфлирования Маргарита Альбертовна просто опустила бы этот текст. А произошло это по одной причине – эта железная женщина слишком разволновалась, когда речь зашла о ее сыне, начала говорить чепуху, неловко выкручиваться. Гуров никогда не поверил бы, что мать может не знать, чем занимается ее ребенок. Тем более такая женщина, как Маргарита Альбертовна. Значит, или бизнес у младшего Ликостратова не слишком почтенный, или Маргарита Альбертовна изо всех сил старается не выдать местонахождение своего отпрыска, а заодно и бывшего мужа.

Гуров все более склонялся к мысли, что и убийство в гараже Ликостратова, и его бегство, и отсутствие в Москве его сына, и странная забывчивость и неосведомленность бывшей супруги – все это части одной и той же головоломки. Но фактов у него пока не было. И вернулся он к дому Маргариты Альбертовны, чтобы получить хотя бы один такой факт. Если ощущения его не обманывают, факт, как говорится, должен иметь место. К тому все шло.

Гуров был уверен, что Пивоваров тоже вернется, чтобы обсудить с Маргаритой Альбертовной ситуацию. Предлог с больным родственником звучал уж слишком по-школьному. Не исключено, что Пивоваров придумал его в последнюю минуту, чтобы поскорее избавиться от Гурова. В таком случае слишком долго тянуть он не станет. Гуров был уверен, что в ближайшие двадцать-тридцать минут его подозрения будут или опровергнуты, или получат подтверждение.

Ярко-желтый «Фольксваген» появился на горизонте через пятнадцать минут. Пивоваров подъехал не со стороны проспекта, а через проходной двор и остановился за шестиэтажным домом, чтобы не привлекать к себе внимания. Он вышел из машины, озабоченно оглянулся по сторонам, ничего подозрительного не заметил и быстро направился к дому, где жила бывшая супруга Ликостратова.

«Если ты и навещал больного родственника, – с иронией подумал Гуров, – то проделал это в хорошем темпе, Николай Иванович! Интересно, что ты сказал бы сейчас, приди мне в голову тебя окликнуть? Впрочем, голова у тебя работает, какую-нибудь чепуху ты бы придумал. Забытый портсигар или еще что-нибудь...»

Но Гуров не собирался выдавать своего присутствия. Ему был важен факт возвращения Пивоварова, но извлекать из него пользу немедленно он не собирался. У него родилась другая идея.

Дождавшись, когда Пивоваров войдет в подъезд, Гуров достал мобильник и набрал домашний номер Крячко. К его удивлению, телефон молчал. Немного подумав, Гуров потревожил телефон в собственном кабинете и с огромным облегчением услышал голос друга.

– Черт возьми, Стас! – сказал он с усмешкой. – А я в полной уверенности, что ты лежишь дома, задрал ноги к потолку! Что ты делаешь в моем кабинете?

– В нашем кабинете! – поправил его Крячко. – Обрадовался, что сплавил меня на больничный?

– Так ты до главка на одной ноге скакал? – поинтересовался Гуров.

– На своей тачке доехал, – ответил Крячко. – Почти без происшествий.

– Значит, ты машиной управлять можешь? – с надеждой спросил Гуров.

– Ну как сказать? – отозвался Крячко. – На газ жму свободно, а вот с тормозами, конечно, проблемы.

– Ну так я тебе такую работенку подкину, что на педали сильно жать не придется, – пообещал Гуров. – Ты сейчас на Мичуринский подъезжай, где эта дама, Вагнер, проживает. Есть у меня мыслишка, что с ней не все ладно. Ну это я тебе на месте объясню. Посидишь, посмотришь, что она предпринять захочет.

– А она захочет?

– Сдается мне, что обязательно захочет, – сказал Гуров. – Но тут есть еще один человек, за которым понаблюдать нужно. Захвати там парочку ребят – пусть они за Пивоваровым сегодня походят.

– Ага, – сказал Крячко. – Значит, Пивоваров тебе по-прежнему не нравится? Даже в его новом качестве?

– Я сам пока не пойму, что у него за качество, – сказал Гуров. – Но, по-моему, качество это довольно неважное.

– Ага, – снова сказал Крячко. – А сам ты каким благородным делом собираешься заняться?

– А я собираюсь навестить одного человека в Подольске, – объяснил Гуров. – Но предупреждаю, что в Подольск меня эта парочка подбила ехать, а посему подозреваю, что это просто попытка выиграть время. Так что, если возникнет необходимость, звони и возвращай меня в любой момент, понял?

– Так, может, проще не ездить? – спросил Крячко.

– А мы, оперативные работники, простых путей не ищем, – пошутил Гуров. – Чем черт не шутит – вдруг это след? Одним словом, ты подъезжай поскорее – мы тут на месте все обговорим.

– Мне время нужно ребят для «наружки» подобрать, – сказал Крячко. – А потом я быстро подъеду. На тормоз жать не буду, так в один момент доберусь.

– Ну, ты очень не увлекайся – тормозни все же напоследок, – сказал Гуров.

Глава 6

Гуров предполагал, что поездка в Подольск – всего лишь попытка госпожи Вагнер на какое-то время от него избавиться, но насколько нелепой и циничной окажется эта попытка, даже он предвидеть не мог.

Он приехал в этот город под вечер, чтобы быть уверенным, что Плетневу удастся застать дома. В Москве за эти часы ничего необычного не произошло. Оперативники, которые помогали Крячко вести наблюдение, сообщили, что Пивоваров пробыл у гражданки Вагнер около получаса, а затем сразу же поехал к себе и больше никуда не выходил. Еще они сообщали, что Пивоваров выглядел крайне озабоченным, а на Тверской по пути домой заскочил в рюмочную и выпил сто пятьдесят граммов водки. На дальнейшем движении это никак не сказалось – видимо, референт не впервые употреблял за рулем и был в этом отношении крепок.

Гражданка Вагнер также не проявляла никакой активности, никуда не выходила и никого не принимала. В каком-то смысле надежды Гурова повисли в воздухе. Свидетели вели себя странно, но не более. Возможно, осторожничали, а возможно, уже решили свои проблемы с помощью телефонных звонков – никто ведь не прослушивал их телефонов. Гуров держал в уме и третий вариант, допуская, что ни Пивоваров, ни Маргарита Альбертовна ни в чем не виноваты. Но держал он его скорее про запас, для очистки совести, не слишком в него веря. Если эти двое ни при чем и ничего не знают, то почему они так подозрительно себя ведут?

Визит в Подольск еще более укрепил Гурова в его подозрениях. Он без труда нашел адрес, который дала ему Маргарита Альбертовна, позвонил в квартиру и приготовился к не слишком приятному разговору с незнакомой женщиной. Но встретил его мужчина.

Это был угрюмый здоровяк-брюнет лет сорока пяти. Волосы на его голове, жесткие как проволока, начинали расти едва ли не от бровей. Глубоко посаженные черные глаза смотрели подозрительно и недобро, и в них горел какой-то неугасимый шальной огонек, который крайне не понравился Гурову. Одет был хозяин в черный засаленный свитер и мятые тренировочные брюки.

Дома он был не один – об этом свидетельствовал шум, доносившийся с кухни, – звон посуды и бубнение нескольких голосов, не слишком трезвых. От хозяина тоже немного припахивало водкой, и Гуров понял, что разговор предстоит куда более сложный, чем он даже предполагал.

– Ты к кому? – без обиняков спросил брюнет, нависая над Гуровым, который и сам имел рост далеко не маленький.

– Извините, Плетнева Анастасия Владимировна здесь проживает? – совершенно миролюбиво спросил Гуров. – Мне очень нужно с ней поговорить.

Эти вежливые слова произвели на хозяина примерно то же действие, что и красная тряпка на племенного быка. Он втянул носом воздух, сжал до хруста кулаки и надвинулся грудью на Гурова.

– Ты, убогий! Быстро сделай так, чтобы я тебя больше никогда не видел! А то я тебя так разукрашу, что мама родная не узнает! Ну!..

Гуров достал из кармана удостоверение и сунул его под нос грубияну.

– Уберите ногу, я испорчу вам дорогой ботинок! – многозначительно сказал он. – Я из милиции.

– А мне плевать – хоть из космоса! – заявил брюнет, даже не посмотрев на документ. – Я у себя дома, понял? И если какая-то гнида думает...

Гурову это надоело. Он ехал сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления от какого-то пьяного нахала. Да и дело страдало.

Он повернулся, будто собираясь уходить, а потом неожиданно и резко ударил брюнета локтем по печени. Тот был слишком неосторожен и уверен в себе и пропустил удар. Не давая ему опомниться, Гуров заломил ему руку и выволок из квартиры на лестничную площадку. Здесь он ткнул ошеломленного грубияна лицом в стену и угрожающе сказал прямо в ухо:

– Ну что, дальше в наручниках будем разговаривать или попробуем все-таки как культурные люди?

Хозяин не успел ответить. В прихожей послышались шаги, и добродушный пьяненький голос спросил:

– Ты куда пропал, Леша? Проблемы?

Из двери выглянула румяная физиономия какого-то раскормленного коротышки. Гуров, не оборачиваясь, толкнул дверь ногой. Она захлопнулась с металлическим щелчком. Коротышка едва успел отпрянуть назад.

– Ты офонарел, мент? – просипел Леша, безуспешно пытаясь оторвать от стены щеку. – Ты что делаешь, гад? Ты что произвол творишь? Думаешь, на вас управы нет?

– Значит, в наручниках, – заключил Гуров. – Не дорос ты еще до культурного разговора. Хозяин еще раз попытался вырваться, но Гуров держал его крепко, и он сдался.

– Ладно, полегче, начальник! Ну, погорячились, и хватит – чего между мужиками не бывает? Настроение у меня сегодня хреновое. Собрались с корешами, чтобы посидеть, расслабиться, а тут ты... Да еще такие кренделя загибаешь – без бутылки не разогнешь! Ясно, не утерпел я, наговорил лишнего. Но и ты тоже не прав, согласишься?

Гуров медленно ослабил хватку, но внимания не ослаблял, ожидая, что Леша, несмотря на свои мирные речи, в любой момент может выкинуть какой-нибудь фокус.

– А ты здоровый лоб, начальник! – с некоторой обидой сказал Леша, массируя вывернутую руку. – Меня мало кто одолеть может. Я ведь кандидат в мастера по вольной, между прочим... Ну, тут я, конечно, не ожидал, что ты вот так сразу кинешься, а то бы все по-другому было...

– В следующий раз предупрежу – письмом, – пообещал Гуров. – Но я не бороться с тобой приехал, и вообще ты мне без надобности. Поэтому сделаем вид, что ничего между нами не было, и попробуем найти ответ на мой первый вопрос. Припоминаешь? Мне нужна Плетнева Анастасия Владимировна.

– Да ты издеваешься, что ли? – мрачно буркнул Леша, исподлобья глядя на Гурова. – Или в самом деле ничего не знаешь? Плетнева ему нужна! Да Настя Плетнева, моя супруга, уже полтора года как на кладбище лежит, а вы, понимаете, все покоя ей не даете! – В голосе его прозвучали истерические нотки, не слишком подходящие для здорового мужика.

Гуров был озадачен.

– Ты это серьезно? – с тревогой спросил он. – Плетнева умерла?

– Куда уж серьезнее! – с надрывом произнес хозяин. – Полтора года, как схоронил я ее. Тут про это все знают. Один ты попался такой простой, что ничего не знаешь. Погибла моя Настя в автомобильной катастрофе! В ДТП, по-вашему. С тех пор я один как перст. Не веришь – могу свидетельство о смерти показать.

– Показывай! – распорядился Гуров, на которого эта новость подействовала как ушат холодной воды.

Он ожидал, что госпожа Вагнер может его обмануть, но ложь оказалась чересчур уж наглой. Не сразу в нее верилось.

Леша хмуро посмотрел на Гурова, но все-таки покорно направился к двери и, поскольку ключей у него с собой не было, позвонил в квартиру.

Открыли ему не сразу. Сначала за дверью долго шушукались встревоженные голоса, и кто-то заглядывал в глазок. Только когда раздосадованный хозяин бухнул кулаком в дверь, она наконец отворилась.

Навстречу Гурову выплыли три нетрезвые испуганные физиономии. Кроме уже знакомого коротышки, здесь были высокий худой очкарик и довольно артистичного вида человек со шкиперской бородкой.

– Здравсте! – подобострастно сказали они хором.

Гуров сдержанно поздоровался. Хозяин же, бесцеремонно отгеснив гостей, пошел куда-то в глубь квартиры, рассуждая на ходу:

– Мог сто раз жениться, но не стал. А почему? Все равно ведь не вернешь. И это... изменила она мне. И вообще. А я вот не женился больше. А почему? Потому что любил ее, Настю мою. Все ей прощал. Понял теперь, начальник? А ты – хочу поговорить... Ты же мне буквально в душу плюнул!

Гуров не стал вступать в дискуссию, а просто молча смотрел, как Леша лезет в шкаф и копается там в бумагах. В конце концов он нашел там синеватую бумагу на форменном типографском бланке – свидетельство о смерти – и протянул ее Гурову. Тот вчитался в лаконичные, скрепленные печатью строки. Все сходилось – Плетнева Анастасия Владимировна погибла полтора года назад. Причина смерти – травма, несовместимая с жизнью.

– Она сама водила машину, – тихо объяснил хозяин. – Любила это дело. А тут гололед.

– Прошу меня простить, – сказал Гуров. – Произошла накладка. Не по моей вине, но все равно приношу извинения. Но раз уж так случилось, я задам еще один вопрос – вам знакома фамилия Ликостратов?

Хозяин быстро посмотрел на Гурова и скрипнул зубами. Глаза его гневно сверкнули.

– А при чем тут этот ублюдок? – спросил он. – Почему ты меня о нем спрашиваешь?

– Фамилия знакома? – повторил Гуров.

– Допустим, знакома, – с вызовом ответил Леша. – Путался он с моей Настей. Доволен теперь? Только было это сто лет назад. Я когда их поймал, то сразу сказал – еще раз, и убью! Может, и встречались они потом, но я об этом не знал. А ты что-то знаешь?

Он угрожающе надвинулся на Гурова, но тот остановил его холодным взглядом и предупредил:

– На этот раз я уже обижусь, Алексей! Закончишь вечер в отделении. И друзья пострадают. Это я тебе обещаю.

– Друзья-то при чем? – буркнул хозяин, моментально остывая. – Друзья – уважаемые люди, учителя все. Они мухи не обидят. Я, между прочим, тоже в школе физвоспитание преподаю, вот так вот.

– А я думал, хорошие манеры, – заметил Гуров. – Но бог с ними. Я ищу преступника. Фамилия твоей жены возникла совершенно неожиданно. Мне нужно было проверить некоторые факты. Теперь я вижу, что меня обманули. В связи с этим еще один вопрос – жена Ликостратова могла знать о связи мужа с Анастасией Владимировной?

– А почему не могла? – сердито сказал хозяин. – Они долго путались, с полгода. Не особенно и прятались, гниды! Этот хахаль ее наглый был. Тачка импортная, харя гладкая – видел я его один раз. Говорят, крутой он. Но я сразу своей сказал – убью без разговоров, если еще раз услышу! По правде говоря, больше ни разу я его с ней не ловил. А потом она погибла... Вот и вся история. Чего теперь мертвых тревожить?

– Значит, больше ничего о Ликостратове и его родственниках вы с той поры не слышали?

– И еще бы сто лет не слышал! – ответил хозяин и вдруг задумался. – Вообще-то есть один человек – Гриша Жиллов, он этого хмыря Ликостратова знал раньше. Я от него узнал, как этого гада найти.

– Знал раньше? – спросил Гуров. – Чучела вместе набивали, что ли?

– Да не знаю я, – отвел взгляд Плетнев. – Только вряд ли Жиллов чучелами стал бы заниматься. Ты у него самого спроси. Он сейчас у нас в обществе охотников заместителем предсе-

дателя правления. Только про меня не говори, неудобно все-таки. Скажет, трепло этот Лешка Плетнев!..

– Постараюсь, – пообещал Гуров. – Ну, я пошел. Передавай привет своим ученикам. С тобой они наверняка чемпионами станут.

Гуров не стал больше задерживаться ни минуты и поехал обратно, чрезвычайно сердитый на самого себя и на диковатого преподавателя физкультуры, из-за которого эта поездка едва не закончилась потасовкой. Строго говоря, особенно расстраиваться было не из-за чего – Гуров с самого начала подозревал, что в Подольск его послали для отвода глаз. Видимо, сыграло свою роль неприятное открытие – трагическая смерть женщины, которую искал Гуров. Теперь его мучил вопрос – знали ли Маргарита Альбертовна и Пивоваров об этой смерти? Если знали, то их поведение можно было назвать не только циничным, но и глупым. Придумать такой некрасивый и ненадежный предлог можно было только в одном случае, если Гурова нужно было как можно скорее отправить куда-нибудь подальше.

Но здесь тоже не все сходилось. На дворе уже была почти ночь, а телефон Гурова молчал. Выходит, до сих пор никто так ничего и не предпринимал? Было из-за чего злиться и нервничать.

И все-таки интуиция не подвела Гурова. Когда он пересек границу Москвы, его телефон ожил, и Стас Крячко, выяснив, где сейчас находится Гуров, деловито сообщил:

– Лева, ты как раз вовремя. Примерно с полчаса назад Пивоваров вышел из дома, сел в машину и поехал по Ленинградскому шоссе в сторону Химок. Уже развязку на Кольцевой начал проезжать, и тут его дорожная инспекция остановила. Что там произошло – не совсем понятно, но, похоже, он опять подшофе был. Короче, задержали его, машину на прикол, а на самого протокол стали составлять. Ребята не ожидали такого поворота. Пока советовались, что делать да как быть, Пивоваров уже успел инспекторам взятку предложить, а когда не прошло, то слегка нахамил. В общем, усугубил ситуацию...

– Ах, черт! Как это некстати! – выругался Гуров. – Ну надо же было Петру позвонить в ГАИ, объяснить, что идет операция. Добиться, чтобы отпустили Пивоварова. Срывается же все!

– Вообще-то я позвонил, – скромно сказал Крячко. – И Петр там надавил. Короче, отпустили Пивоварова – только что...

– Что же ты размазываешь кашу по тарелке?! – рассердился Гуров. – По существу говори! Куда сейчас едет Пивоваров?

– Да никуда он не едет, – усмехнулся Крячко. – Ему тачку вернули, ключи, пожелали счастливого пути, а он десять метров от КП отъехал и в дерево вписался. Сам жив, но в легком шоке – его сейчас в «Скорую» грузят.

– Час от часу не легче! – вздохнул Гуров. – У меня прокол, Пивоваров дурака сваял... начали, как говорится, за здоровье, а кончили, как всегда, за упокой.

– А ты не журысь, хлопче! – с некоторым превосходством сказал ему Крячко. – У меня еще новость есть. Похлеще прочих. Я ведь сейчас знаешь где нахожусь? На том же самом Ленинградском шоссе, преследую – кого бы ты думал?

– Поскольку я тебе давал задание следить за Вагнер, значит, Вагнер ты и преследуешь, – сердито сказал Гуров. – Если, конечно, у тебя остались хоть какие-то понятия о дисциплине и здравом смысле.

– Ну тебя ничем не удивишь, – обиженно отозвался Крячко и после короткой паузы добавил с торжеством: – А все-таки я тебя сейчас удивлю. Ты за рулем ведь? Так ты лучше поставь машину на тормоз.

– Еще чего! – бросил Гуров. – Наоборот, я сейчас вроде тебя – на тормоза не жму, спешу в сторону Ленинградского шоссе. Ты удивляй меня так, по ходу движения, я выдержу.

– Ну держись тогда, – загадочно сказал Крячко. – Знаешь, на какой тачке Вагнер едет? На «Ситроене» покойного Мамаева! Ошибки никакой, я номер сверил. Это та самая машина. Примерно через четверть часа после того, как Пивоваров отправился в путь, госпожа Вагнер тоже вышла из дома, пешком добралась до гаражей – у нее, оказывается, гараж метрах в трехстах от дома, – открыла его и вывела оттуда машину. Этот самый «Ситроен». Села и поехала.

– Та-а-ак! – протянул Гуров. – А ты меня удивил, Стас! Хорошо удивил! Ты смотри не потеряй теперь эту дамочку, а то я с тебя голову лично сниму.

– Не потеряю! – убежденно заявил Крячко. – Я уже с ребятами связался – они меня подстраховывают.

– Я тоже сейчас подъеду, – сказал Гуров. – Держи меня все время в курсе.

Он закончил разговор, приладил на крышу мигалку, которая валялась у него в машине и которой он пользовался только в крайних случаях, врубил сирену и помчался догонять Крячко.

Нагнал он его уже за Кольцевой автодорогой. Крячко с небольшой скоростью двигался по Куркинскому шоссе в сторону светящегося вечерними огнями Куркина. Заметив сигналящего ему фарами Гурова, Крячко остановил машину.

– Спешить некуда, – сообщил он по телефону. – Ребята ее обогнали, маршрут здесь один. Она свернула в сторону Сходни. Наши ее у моста караулят. Уйти не должна.

Гуров подъехал и приказал Крячко пересаживаться.

– Тут твою развалюху никто не тронет, – сказал он. – А у тебя нога отдохнет. Да, кстати, вдвоем и веселее.

Крячко не возражал. Хромая, он перебрался в «Пежо» Гурова, спросил:

– Куда ее черт несет?

– Я думаю, что она хочет избавиться от автомобиля, – сказал Гуров. – А Пивоваров должен был подъехать в условленное место и ждать там Маргариту Альбертовну, чтобы отвезти ее домой, после того как она избавится от «Ситроена». В самом деле, не пешком же ей отсюда возвращаться. Они договорились об этом заранее – после того, как спровадили меня в Подольск. Но Николай Иванович переволновался и завалил дело.

– Интересно было бы посмотреть на лицо этой женщины, когда она обнаружит, что ее здесь никто не ждет, – хмыкнул Крячко. – По идее, как гадалка, она должна была предвидеть такой исход. Теперь придется ей катить обратно.

– Катить она в любом случае не станет, – возразил Гуров. – Еще неизвестно, каким путем попал к ней этот «Ситроен». Если она в этом замешана, от машины ей нужно избавиться позарез.

Гуров остановил машину и погасил фары. Стало слышно, как шумит в темноте весенний лес.

– Ты вот что, – сказал Гуров. – Ты, как калека, сиди тут в машине и контролируй дорогу, а я пойду пешочком пройду. Кости разомну.

Он направился по неосвещенной дороге туда, где из-за черного силуэта леса выглядывал мерцающий клочок звездного неба. Над головой едва слышно шелестела молодая листва. Со стороны реки доносился легкий плеск воды и робкое кваканье одинокой лягушки. Пахло влажной травой и еще каким-то сладковатым дымком, будто где-то поблизости варили карамель.

Потом вдруг Гуров сообразил, что этот сладковатый дым не имеет никакого отношения к производству кондитерских изделий и исходит, скорее всего, от зажженной сигареты. Курили где-то совсем рядом.

Он свернул с дороги, раздвинул влажные ветви кустов на обочине и сразу увидел стоящий носом к лесу автомобиль. Все огни в нем были потушены, и лишь красное пятнышко сигареты нервно вертелось в воздухе на уровне человеческого роста. Оно выписывало светящиеся круги и зигзаги в черном воздухе, обозначая каждую сделанную курильщиком затяжку.

Но, как того и следовало ожидать, это был не курильщик, а курильщица. Возле автомобиля, не находя себе места, прохаживалась женщина в темном платье в обтяжку – два шага вправо, два шага влево. Через каждые два шага она делала новую затяжку и, вскинув голову, настороженно смотрела в сторону дороги.

Звонить по телефону она не пыталась. Гуров догадался, что ради перестраховки Маргарита Альбертовна и Пивоваров договорились не звонить друг другу по дороге. Может быть, они что-то слышали краем уха о перехвате телефонных разговоров. А может быть, просто забыли впопыхах захватить с собой мобильники.

– Жизнь покажет, – вздохнул Гуров и, уже не прячась, направился напрямиком к автомобилю.

Он увидел, как напряглась женская фигура и полетела в траву недокуренная сигарета. Опасаясь, как бы госпожа Вагнер не наделала с испугу каких-нибудь глупостей, Гуров самым миролюбивым тоном окликнул ее:

– Маргарита Альбертовна! Не бойтесь! Это я, полковник Гуров!

Но женщина все-таки не выдержала. Слишком велико было нервное напряжение, и она, несмотря на весь свой характер, с ним не справилась. Маргарита Альбертовна повернулась и бросилась бежать не разбирая дороги. Однако, успев сделать всего несколько шагов, она вдруг вскрикнула и рухнула на землю. Гуров поспешно подошел к ней и помог подняться.

– Каблук... – пробормотала она, глотая злые слезы. – Сломался...

Глава 7

Гуров старался не выказывать открыто своих чувств, но он был чрезвычайно доволен итогом прошедшего дня. Интуиция и на этот раз не подвела его. А поэтому хорошего настроения ему не могла испортить даже бесхитростная, но непрошибаемая позиция Маргариты Альбертовны, которая, сделав после задержания одно скупое признание, заняла затем круговую оборону и, по сути дела, отказалась отвечать на любые вопросы.

Отрицать факт, что она сидела за рулем «Ситроена», принадлежавшего погибшему Мамаеву, Маргарита Альбертовна не стала – это было бы совсем уж глупо, но объяснения, которые она дала по этому поводу, удовлетворить оперативников никак не могли. Впрочем, даже из уклончивых ответов госпожи Вагнер кое-что начинало проясняться.

– Семнадцатого мая уже поздно вечером ко мне позвонили, – рассказывала она, уже сидя в кабинете Гурова и нещадно чадя сигаретой. – В такое время я уже никого не принимаю. Естественно, я встревожилась. Посмотрела в глазок и встревожилась еще больше. Потому что это был мой благоверный. Он сказал, что убил человека. Якобы случайно – его вынудили обстоятельства. Но теперь ему нужно скрыться, и я должна ему в этом помочь. Он взывал к моему человеколюбию, к моему доброму сердцу. Не дай пропасть, умолял он.

– В чем заключалась ваша помощь?

– Ну что же, отрицать бессмысленно, – со вздохом сказала Маргарита Альбертовна. – Все-таки мы столько прожили вместе. Было и что-то хорошее. Считайте, что я проявила слабость, но это так естественно для женщины. Сергей попросил меня спрятать машину...

– Вы знали, что это машина убитого?

– Да, я это знала, – нехотя сказала Вагнер. – Сергей объяснил, что взял ее, потому что боялся ехать на своей машине. Ему казалось, что так будет безопаснее. Только я должна была потом избавиться от этой машины, отогнать ее куда-нибудь подальше. В ту ночь, естественно, мне было не до этого...

– И вы поставили «Ситроен» в гараж, – подсказал Гуров.

– Да, – замаялась Маргарита Альбертовна. – А Сергей взял мою машину. Я не смогла ему отказать. Но куда он направился, я не знаю!

– Вы еще рассказывали, что ничего не знаете о местонахождении собственного сына, – напомнил Гуров. – Может быть, вы и тут что-то недоговариваете?

– О господи, ну при чем тут сын! – Маргарита Альбертовна яростно давила в пепельнице окурок и тут же тянулась за следующей сигаретой. – Нет, насчет этого я точно не в курсе, но сейчас это вообще неважно. Последние дни все мои мысли были заняты одним – как избавиться от проклятой машины!

– И вы решили попросить Пивоварова помочь уже вам? – подсказал Гуров.

– Ну, это уж выдумки, – слишком быстро ответила Маргарита Альбертовна. – С чего вы взяли? Как я могла довериться почти незнакомому человеку?

– Мне кажется, вы опять кривите душой, – заметил Гуров. – Если Пивоваров для вас чужой, то почему после нашего визита к вам он опять вернулся – на этот раз в одиночку?

Маргарита Альбертовна ожгла его тяжелым взглядом черных глаз, глубоко затянулась и сказала твердо:

– Пивоваров приходил ко мне вместе с вами. Больше я его не видела и даже не общалась с ним ни разу. С чего вы взяли, что могло быть иначе, я не понимаю. Кажется, в ваших кругах это называется – взять на понт? Только как это глупо – я никому, ни одному человеку не могла доверить такую тайну! По правде говоря, я никак не ожидала, что вы будете следить за мной. Если бы я предполагала подобное, то лучше бы оставила эту консервную банку гнить в гараже!

– Так было бы совсем негоже, Маргарита Альбертовна, – сказал Гуров. – В нынешней ситуации, по крайней мере, вы сняли грех с души, а мы узнали хоть какую-то часть правды.

– Что значит «часть»? – насторожилась женщина. – Вы что, мне не верите? Но я все рассказала! Может быть, я нарушила в какой-то мере закон, но, в конце концов, никакой закон не может заставить меня стучать на близкого человека, пусть даже мы расстались.

– Вы сейчас имеете в виду Ликостратова или Пивоварова? – с деланным простодушием спросил Гуров.

Маргарита Альбертовна дернулась, словно ее ударило током, и почти с ненавистью посмотрела на Гурова.

– Больше ни на какие вопросы я отвечать не стану, – отчеканила она, глядя ему в глаза. – Вы меня провоцируете. В конце концов, я имею право на адвоката. Пока он здесь не появится, я отказываюсь говорить.

Несмотря на свою демонстративную позицию, Маргарита Альбертовна, кажется, удивилась, когда ей не только не стали больше задавать вопросов, но даже не арестовали. Похоже, она вообразила, что проведет остаток ночи в камере. Но Гуров понял, что больше из этой женщины сегодня ничего выжать не удастся, и принял решение отпустить ее.

– Беседу с вами продолжит следователь, – предупредил он ее. – Не вздумайте проигнорировать его на этот раз. Боюсь, что теперь вы из разряда свидетелей переходите в разряд соучастников, Маргарита Альбертовна, а это очень серьезный статус. Шутить с этим делом я бы вам категорически не советовал.

Гуров давал хорошие советы и всем своим видом выражал озабоченность и сочувствие, но это была лишь игра. Маргарита Альбертовна доказала, что к ее словам нужно относиться с большой осторожностью. А уж выпускать ее сейчас из поля зрения и вовсе не стоило. Гуров отдал распоряжение отвезти Маргариту Альбертовну домой, но попутно распорядился продолжить наблюдение за ней. У него даже возникла мысль, что назрела необходимость прослушивания ее телефонных переговоров. Основания теперь для этого имелись достаточно веские. Обратиться в прокуратуру Гуров был намерен не откладывая.

Но он также предвидел, что после всего случившегося Маргарита Альбертовна может попросту «залечь на дно», оборвать все контакты, и тогда следствие упрется в тупик. Нужны были дополнительные факты.

Прежде всего Гурову пришли на ум два человека. Разумеется, Пивоваров, а еще некий Гриша Жилов, охотник и рыболов, знавший Ликостратова и даже имевший с ним какие-то дела. Гуров надеялся, что, узнав подробности об этих делах, он сумеет составить более полную картину и о семейных отношениях Ликостратова.

Выяснив, в какую больницу отправили Пивоварова, он послал туда Крячко.

– Ты калека, и он калека, – пошутил Гуров. – Больные люди скорее найдут общий язык. Расскажите друг другу о своих болячках – у него вроде бы тоже нога задета, – слово за слово, а там, глядишь, он и расколется.

– Не расколется, я ему вторую ногу сломаю, – мрачно пообещал Крячко. – Или предъявлю обвинение во взятке работникам дорожной инспекции.

Так и не показавшись ни разу за эти сутки жене, Гуров опять поехал в Подольск. Телефонный звонок скрасил ситуацию лишь отчасти. Гуров с грустью подумал, что нужно немного сбавить темп, иначе его семейная жизнь тоже начнет вызывать много вопросов.

Решение сбавить темп и больше бывать дома Гуров честно принимал каждое утро, но почти всегда что-то мешало, почти всегда возникали неотложные дела и особые обстоятельства. Дело было в том, что преступники не желали придерживаться хотя бы приблизительного распорядка и творили свои безобразия как бог на душу положит.

Надо сказать, что с женой Гурову все-таки неслыханно повезло. Известная актриса Мария Строева была не только красивой, но и умной женщиной. Ее образ жизни тоже был

полон непредсказуемых моментов и требовал максимальной самоотдачи, поэтому она хорошо понимала Гурова. Наверное, он слишком привык к этому и чувствовал себя относительно спокойно. Однако женщина есть женщина, и рано или поздно ее душа начинает требовать мужской ласки и неусыпного внимания. И если в этот момент рядом не окажется мужа, то взрыв почти неизбежен. Мысль об этом и тревожила Гурова. Этим утром он окончательно решил, что вечера в его жизни теперь целиком посвящены семье. Но пока он должен был наведаться в Подольск.

Прежде чем являться к незнакомому Грише Жилову, можно было заглянуть в местное УВД, чтобы заручиться на всякий случай поддержкой коллег, но, подумав, Гуров решил действовать в одиночку. Ему хотелось побеседовать с Жилковым по-хорошему, без лишнего давления.

Разыскать правление общества охотников и рыболовов не составило труда. Жилова он застал на месте – в тесном и не слишком уютном кабинете, в котором, казалось, уже лет пять не убирались. Собственно, никакой особенной грязи здесь не было, но вся казенная обстановка, обшарпанная мебель и плохо выкрашенные стены создавали впечатление неуюта и запущенности. На единственном окне красовалась стальная решетка, защищавшая кабинет от посягательств извне.

Гриша Жилков, он же Григорий Иванович, оказался деловитым грузноватым человеком с тяжелым взглядом и большими залысинами на выпуклом лбу. Он сидел за старым канцелярским столом, навалившись на него внушительным животом, и делал сразу три дела: разговаривал по телефону, что-то яростно записывал в толстой записной книжке и еще умудрялся листать при этом растрепанный настольный календарь, переложенный многочисленными закладками. Появление Гурова не произвело на него никакого впечатления – он лишь искоса посмотрел на него и сделал едва заметное движение подбородком, которое могло означать предложение садиться.

Гуров сел на скрипучий стул сбоку от стола и стал ждать, пока Жилков разберется с делами. Заняло это еще около пяти-десяти минут, в течение которых хозяин кабинета придиричиво разбирался с кем-то по телефону о каких-то трубах и заглушках, а закончил неожиданным предложением закатиться куда-нибудь в ближайшие выходные с костерком и ущицей. Гуров терпеливо ждал, с удовлетворением отмечая, что телефонный разговор в итоге пошел Жилкову на пользу и привел его в благодушное расположение духа. Положив трубку и сделав еще пару корявых записей в блокноте, он неожиданно поднял глаза и в упор посмотрел на Гурова.

– Вы по поводу лицензии? – почти категорически произнес он.

– Нет, дело в том... – начал Гуров.

– Ага, значит, у вас проблемы с милицией! – уверенно продолжал Жилков. – Это ведь насчет вас Виктор Петрович звонил?

– Нет, вы ошибаетесь, – с усмешкой сказал Гуров. – Я сам из милиции.

Жилков быстро откинулся на спинку своего стула и пристально уставился на Гурова.

– Черт! Я мог бы сам догадаться, – недовольно сказал он, переживая за свой промах. – Но я вас не знаю. Вы откуда? Из Москвы?! Понимаю, это насчет того безобразного случая, когда охотились с колес, напали на егеря... Я угадал?

– Подождите! – сказал Гуров. – Случай действительно безобразный, но я совсем по другому поводу. Собственно говоря, речь пойдет о вас, Григорий Иванович.

– Обо мне? – кисло переспросил Жилков. – Ну ясно, на меня все шишки! У какого-нибудь алкаша найдут незарегистрированное ружье девятьсот тринадцатого года выпуска, а все претензии к нам...

– У меня нет к вам пока никаких претензий, – сказал Гуров. – Но вопрос у меня к вам очень серьезный. Кстати, сразу представлюсь – Лев Иванович Гуров, старший оперуполномо-

ченный по особо важным делам. Расследую убийство. Поэтому попрошу отнестись к разговору предельно серьезно.

На лице Жилова появилось отчаяние. Он безнадежно махнул рукой и воскликнул:

– Еще не легче! Убийство! В нашем районе?

– Нет, к вам убийство отношения не имеет. Но меня интересует один человек, который как раз имеет к нему отношение. Говорят, вы его хорошо знали и даже вместе с ним работали. Буду благодарен за любую информацию об этом человеке.

Жилов нахмурился, но спрашивать ничего не стал.

– Ликостратов Сергей Степанович, – коротко сказал Гуров.

Жилов крякнул, побагровел и нервным движением распустил узел галстука. Ему явно сделалось не по себе. Он долго сопел и бегал по сторонам глазами, пока наконец не выдавил:

– Вот странно, вы говорите о человеке, которого я уже сто лет не видел. Да и не особенно хорошо я его знал. Так...

– Вы занимались с ним каким-то бизнесом, – твердо сказал Гуров. – Будьте добры ответить, что это был за бизнес. Иначе мне придется перенести наш разговор в кабинет следователя, где он будет фиксироваться в протоколе. Пока же все останется между нами. Повторяю, вы лично меня не интересуете.

– Ну-у, это всегда так говорится, – беспомощно протянул Жилов, оглядываясь на дверь. Он вспотел и выглядел неважно, совсем иначе, чем минуту назад. – Ликостратов... Вот уж не думал, не гадал. Кто мог на меня стукнуть? Это же было сто лет назад! Ну, не сто, но ведь два года прошло... Я давно не имею с ним никаких дел. С Ликостратовым трудно иметь дело, понимаете? Он законченный эгоист, к тому же чокнутый.

– Уже теплее, – сказал Гуров. – Еще что-нибудь вспомните?

Жилов заерзал на стуле, с тоской посмотрел в зарешеченное окно и скривил рот в недовольной гримасе. Зазвонил телефон, но он лишь раздраженно поднял и тут же опустил трубку.

– Ч-черт! – сказал он наконец. – Надо же такому случиться! То-то мне сегодня ночью крысы снились. Не к добру.

– Вы поосторожнее с параллелями-то, – улыбнулся Гуров. – Могу принять на свой счет. Лучше вернемся к Ликостратову. Как вы с ним познакомились?

– У меня ветеринарное образование. Я работал в передвижном зверинце. Мы возили по городам зверей, устраивали представления детишкам на радость. Как-то ездили по югам – Ставропольский край, Краснодарский. Ну, в свободное время чем заниматься? В ресторане познакомился с Ликостратовым. Он тоже был в том же городе проездом – не помню точно, где это было, все в голове перепуталось. Интересы общие обнаружились. Он ведь тоже в некотором роде любитель природы. Только мертвой. Ну, разговорились, слово за слово, и получилось так, что он сделал мне предложение. Говорит: что ты, так и будешь в вагончике всю жизнь скитаться? Можно, мол, хорошо заработать. А нам, мол, ветеринар нужен.

– Кому это нам?

– Ну, в общем, была у них такая команда – они через границу редких животных возили на продажу. И тех, что у нас водятся, и тех, что из южных республик переправляют. Вот такой бизнес. И если хотите знать, я в этом ничего страшного не вижу. Если бы эти животные кому-то здесь были нужны, за ними бы следили. А раз они на хрен никому не нужны, почему бы их не продать? Другой вопрос, чтодохнут они по дороге пачками. И вот за это я их контору всегда ненавидел. Понимаете, им главное – прибыль. А если при этом десятка два редких птенцов сдохнет – ну что ж, неприятно, но это как бы издержки производства. Какие-то попытки исправить ситуацию они предпринимали. Вот меня, например, решили привлечь. Только что толку от ветеринарного врача, когда все проходит в режиме конспирации и контрабанды? Что я мог сделать? Тем более что животные и в самом деле были экзотические. Не поверите, удавов из тропической Азии возили!

– Кто же выступал в роли покупателей? – поинтересовался Гуров.

– По-разному бывало, – пожал плечами Жилов. – Когда частные лица, когда цирк какой-нибудь, институт... Я непосредственно сделками не занимался. Мое дело было поголовье сохранить. А это у меня плохо получалось. Из-за чего и начались конфликты.

– В чем была суть этих конфликтов?

– Ну как же? Я же говорю – с меня требовали, чтобы до места как можно больше животных доезжало. Тебе за что, мол, бабки платят? А что толку в этих бабках, если животных везут в тесноте, в закрытых контейнерах, иногда даже без воды и без пищи. Жара, холод – неважно! Главное – сроки. У них ведь какой еще аспект? Несколько границ проезжать нужно. Потом инспекции всякие, начиная с ГИБДД. Кое с кем у них контакт был налажен, а кое с кем нет. Значит, нужно было через какой-то определенный пост обязательно в определенное время проехать, понимаете? На этом все строилось. Ну, короче, посмотрел я на этот бардак, посмотрел, плюнул и ушел. Совесть заела. Я ведь мужик вообще-то толстошкурый, жизнью битый. А вот зверюгам этим в глаза их несчастные смотреть уже не мог! Им ведь не объяснишь, что ты их за бабки мучаешь, за кусок хлеба с маслом... Ну и претензии надоели. А, подавитесь, думаю, вы этими деньгами! Ну, и ушел от них. По-моему, они рады были.

– А не боялись, что утечка информации произойдет?

– Нет, чего им бояться? – спокойно ответил Жилов. – У меня же самого, получается, рыло в пуху. А потом, я же говорил, у них «крыша» имеется. Им влиятельные люди помогают, в органах знакомые есть. Ну и деньги у них, в крайнем случае откупиться всегда можно. Из-за чего же им меня бояться? Я вот уж два года о них ничего не слышал – вы первый. – Он вдруг задумался. – Хотя нет, вру! Последний раз я про Ликостратова позже слышал. Это примерно года полтора назад было.

– Что же случилось полтора года назад?

– Да глупая история! Есть тут у нас один мужик. Он в школе работает. Женился на одной. Красивая женщина была, но без руля, как говорится. Все время от него налево смотрела. И вот однажды я ее в Москве встретил – с Ликостратовым под ручку. Она в каком-то бизнесе тут участвовала, частенько в столицу по делам ездила. А мужик, значит, тут. Не знаю, правильно я поступил или нет, но я все ему рассказал и даже объяснил, где этого Ликостратова найти. Ну, вроде ездил он, разбирался... Что там у них было, не знаю – вот только вскоре эта женщина разбилась на машине насмерть, и все кончилось.

– Печальная история, – сказал Гуров. – Однако вернемся к Ликостратову. Вы можете назвать примерный маршрут, по которому возили контрабанду?

– Ну, маршрутов несколько было. Обычно у нас все начиналось где-нибудь на казахской границе, в Калмыкии, на Кавказе или в Астраханской области. В зависимости от того, какой товар поступал. Ну, и везли через Россию, как правило, к западным границам – иногда через Украину, иногда через Прибалтику, реже до Финляндии добирались. Не знаю, может быть, сейчас все поменялось. Обычно, если далеко везли, то под Брянском останавливались. Там в лесу, в заповеднике, у них что-то вроде базы было, там мы груз в божеский вид приводили, транспорт ремонтировали, если была необходимость, ну и вообще... Место это называется Гнилой кордон. Потому что там болото рядом, ну и, видимо, слава еще...

– Возили на чем?

– Большие фургоны – вроде тех, в которых мы свой зверинец возили. Кстати, по документам они тоже иногда под зверинец косили, а иногда под какую-нибудь экспедицию. Но все эти документы, конечно, липа, тут главное – связи и деньги.

– Ликостратов был главным в этом предприятии?

– Не совсем так, – покачал головой Жилов. – Он тоже на кого-то работал. Это же налаженная схема. Мы были только небольшим звеном. Параллельно еще люди работали. И все эти группы подчинялись кому-то. Но я в эти дела не вникал, как вы понимаете.

– Я понимаю, – сказал Гуров. – Часто приходилось кататься?

– По-разному. Когда сезон начинался, приходилось неделями в дороге трястись. А зимой, допустим, вообще делать нечего было. Но тут тоже бывали варианты. Иногда по каким-то причинам все тормозилось. Месяц загораешь, другой... То ли проблемы с животными были, то ли еще что... Мне этого не объясняли.

– Можете назвать кого-то из той группы, с которой вы работали? – спросил Гуров.

– Не хотелось бы, – поморщился Жилов. – До сих пор меня не трогали. Обидно, если на старости лет покалечат. Сейчас лечение, сами знаете, дорогое. Помереть легче.

– Ну, помирать нам, как говорится, рановато, – покачал головой Гуров. – Не думаю, что все так страшно, как вам кажется. Но раз уж я обещал не вмешиваться в вашу жизнь, то не буду настаивать. Назову только одно имя. Оно все равно всплывет в моем деле – безотносительно ваших заявлений.

Жилов настороженно уставился на Гурова. Кровь постепенно отхлынула от его лица, и теперь он выглядел бледноватым и постаревшим.

– Сын Ликостратова участвует в этом бизнесе?

– Илья-то? – с видимым облегчением спросил Жилов. – Ну, это само собой. Трудовая династия. Но он там мелкая сошка. Что-то среднее между водителем и охранником. Парень он жилистый, умелый, но интеллектом не блещет. Не думаю, чтобы он играл там какую-то важную роль. Во всяком случае, я этого не заметил.

– Как вы думаете, он до сих пор занимается этим делом? – спросил Гуров.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Жилов. – Я не слышал, чтобы они где-то крупно пролетели. Значит, все идет нормально. А Илье с его способностями там самое место. Тем более папа рядом. Думаю, такое теплое место он не должен бросить. А что, собственно, случилось? Неужели вы все-таки накрыли их контору? Ах, черт возьми, значит, и до меня доберетесь!

– Уже добрались, – улыбнулся Гуров. В волнении Жилов даже позабыл, с чего начался их разговор. – Но пока вам не о чем беспокоиться. Мне нужна была информация, и я ее от вас получил. Могу только выразить вам благодарность. Ваши грехи мы пока трогать не будем. Нам бы со своими разобраться. Тем более что вы вовремя осознали ошибки и искренне в них раскаиваетесь.

– Да, это не для меня, – согласился Жилов. – По натуре я не аферист, не пират. И животных я жалею. Моя бы воля, я бы за насилие над животными срок давал не меньше, чем за людей.

– Кстати, о людях, – вспомнил Гуров. – А супругу господина Ликостратова вы знали, Маргариту Альбертовну?

– Знал немного, – криво ухмыльнулся Жилов. – Роковая женщина. Она ведь старше Ликостратова, вы знаете? Лет на семь, по-моему. А ему уж самому хорошо за сорок. Вот он и гулял от нее, и развелись они по-этому.

– Она знала, чем занимается муж?

– Обязательно! Тем более что там сынок ее задействован. Он у нее поздний и единственный. Она в нем души не чает.

– Значит, она совершенно точно должна знать все о делах своего сына?

– Ну, все или не все – этого я сказать не могу. Но в общих чертах, конечно. Она даже принимала какое-то участие в делах – бухгалтерию вела или еще что-то... Даже после развода. Так что она – человек, безусловно, осведомленный.

– Ага, – обрадованно сказал Гуров. – Ну, это вы сейчас мне просто подарок сделали, Григорий Иванович. Сейчас я даже животных вам готов простить, которых вы с Ликостратовым уморили...

– На больное место жмете, – грустно сказал Жилов. – Я понимаю. У вас работа такая. Но я в самом деле порвал со всем этим. Кручусь вот в этом болоте. Тут тоже не без грешков, но они мелкие, как комары. На особо важные не тянут.

– И слава богу, что не тянут, – сказал Гуров, вставая. – Я с вами не прощаюсь, потому что может возникнуть такая ситуация, что вы нам понадобится. Но это только в крайнем случае. Без особой надобности тревожить вас не будем.

Глава 8

Вечернее небо над шоссе наливалось тяжелым свинцовым светом – с запада шли грозовые тучи. Уже начинал накрапывать дождь, и водяные брызги все чаще взрывались на ветровом стекле. Вокруг было пустынно, а по краям дороги вставал угрюмый, темный, как ночь, лес. Кроны деревьев негодуяще раскачивались, словно возмущаясь то ли неожиданной грозой, то ли появлением чужаков в машине с московскими номерами.

В гуровском «Пежо» сидели трое – он сам, верный друг Крячко и молодой оперативник из главка капитан Самохин, которого по особому распоряжению генерала Орлова в самый последний момент прикрепили к Гурову. Ехали они без остановки уже часов шесть, одолели более трех с половиной сотен километров и немного устали. Поэтому разговоры в машине давно закончились, и даже Крячко примолк, словно исчерпал запас своих обычных шуточек. К тому же им всем было о чем подумать. Ситуация складывалась не совсем обычная. Настолько необычная, что вначале генерал Орлов даже слушать не хотел никаких соображений Гурова на этот счет.

Сейчас, крутя баранку за триста километров от дома, Гуров вспоминал подробности горячего спора в кабинете генерала. Убедить его удалось, но чего это стоило! Тем более что доказывать свою правоту Гурову пришлось в условиях жесточайшего цейтнота. Времени катастрофически не хватало, а все потому, что главную информацию они получили в самую последнюю минуту.

После возвращения Гурова из Подольска он прежде всего встретился с Крячко и поинтересовался, состоялось ли свидание с бывшим референтом. Оказалось, что Крячко с ним виделся, но выудить у него ничего нового не сумел.

– Он притворился мертвым, – саркастически объяснил Крячко. – Знаешь, как жучки притворяются мертвыми, когда их потрогаешь пальцем? Так и этот. Лежит, паразит, на койке – нога в гипсе, морда в синяках, и выражение на лице – хоть святого с него пиши. Начал с ним по-хорошему: мол, что же это вы, Николай Иванович, мозги нам пудрите, комбинации какие-то за нашей спиной составляете? С ним после этого чуть истерика не случилась. Созвал всех врачей, потребовал оградить от посягательств. Ну, ты врачей знаешь – их хлебом не корми, дай проявить гуманность и милосердие. Одним словом, выставили меня, Лева, а этот артист остался там лежать. Обдумывает сейчас небось, как нам дальше голову морочить.

Гуров предвидел такой оборот дела и не слишком огорчился. После встречи с Жиловым он решил все усилия сосредоточить на госпоже Вагнер, которая представлялась ему теперь центральной фигурой. Оперативники, наблюдавшие в отсутствие Гурова за квартирой Маргариты Альбертовны, докладывали, что за весь день она не предпринимала никаких попыток войти с кем-либо в контакт и не принимала клиентов. Последнее, впрочем, было вполне естественно – Маргариту Альбертовну, озабоченную собственным будущим, не волновали сейчас судьбы посторонних людей.

Несмотря на такое затворничество, госпожа Вагнер откликнулась на поздний звонок Гурова и без разговоров дала согласие встретиться. Видимо, наставление, которое он дал ей напоследок, возымело свое действие. Маргарита Альбертовна была взволнована, и Гуров решил, что это в его пользу. Человек, теряющий хладнокровие, плохо держит удар. Факты, которые раздобыл в Подольске Гуров, могли сыграть роль некоего катализатора. Даже если она собиралась и дальше отрицать свою осведомленность в делах мужа, то после истории с «Ситроеном» и свидетельства Жилова делать ей это будет невероятно трудно. Рано или поздно она должна будет признать очевидное.

Однако Гуров даже не предполагал, что все произойдет так быстро. Едва он успел переступить порог квартиры госпожи Вагнер, как она огорошила его почти истерическим заявлением:

– Полковник! Вы должны помочь ему! Должны! Я буду вашим должником всю свою жизнь – только не оставляйте его! Я вас умоляю!

На Маргарите Альбертовне не было лица. От роковой, полностью уверенной в себе дамы ничего не осталось. Перед Гуровым была немолодая, раздавленная, заплаканная женщина, охваченная огромным горем. Он был удивлен и даже озадачен. Видимо, с тех пор, как они расстались, произошло нечто крайне важное, то, что и без его усилий изменило позицию Маргариты Альбертовны. Но он не ожидал, что она до сих пор так любит своего мужа.

– Разумеется, я сделаю для вашего мужа все, что в моих силах, – сказал он сдержанно. – Но прежде я должен его найти, Маргарита Альбертовна. А вы никак не хотите направить нас по верному пути...

– Ну при чем здесь муж?! – неожиданно произнесла рыдающим голосом Маргарита Альбертовна. – Мой мальчик пропал!

Она безнадежно махнула рукой, повернулась и рухнула в кресло, не обращая внимания на Гурова. Дрожащими пальцами она прижимала к глазам пропитавшийся слезами платок. Гуров осторожно присел на кресло напротив.

На этот раз квартира Маргариты Альбертовны ничем особенным не выделялась. Правда, на окнах опять были тяжелые шторы, но под потолком горела обыкновенная электрическая люстра, и никаких посторонних запахов вокруг не ощущалось. Даже внушительная, под старину обстановка не производила сейчас впечатления чего-то многозначительного и таинственного – просто старая мебель, тяжелая и неудобная, несущая на себе неизгладимый отпечаток времени. Сейчас это не было жилищем колдуньи и гадалки. Это была квартира немолодой, несчастной и очень одинокой женщины.

Гуров наконец понял, о чем идет речь, и осторожно спросил:

– Вы хотите сказать, что с вашим сыном, Ильей Сергеевичем, что-то случилось?

– Ну конечно! – всхлипнула хозяйка. – Неужели так трудно понять? Если с ним что-то случится, я просто наложу на себя руки. Мне незачем жить.

– Если вы так переживаете за сына, то зачем позволяете ему заниматься такой опасной и, прямо скажем, незаконной деятельностью? – напрямик спросил Гуров.

Его осведомленность, кажется, не произвела на женщину никакого впечатления.

– Это все Сергей! – со злобой сказала она. – Соблазнил его легким заработком, сбил с пути. Я никогда не хотела, чтобы он занимался этим, но терпела. Думала, заработает немного денег, пойдет учиться, найдет настоящую работу...

– Вы знаете, куда в этот раз поехал ваш сын?

– Они были в низовьях Волги, – покорно сказала Маргарита Альбертовна. – Должны были везти партию редких птиц. В основном, кажется, пеликанов. На двух машинах. Сегодня он должен был позвонить мне с перевалочного пункта...

– Под Брянском? – вставил Гуров.

– Значит, вы знаете? – капризно воскликнула Маргарита Альбертовна. – Почему же вы здесь? Почему ничего не предпринимаете? Или вам важна галочка в вашем отчете, а не людская судьба?

– До отчета еще далеко, Маргарита Альбертовна, – успокаивающим тоном сказал Гуров. – Пока что я о нем не думаю. Пока что меня, как вы говорите, волнуют именно судьбы... Но ведь я ничего не знаю! Объясните же толком, что произошло!

Маргарита Альбертовна еще раз промокнула глаза платком и, глядя на Гурова взглядом побитой собаки, пробормотала:

– Мне так страшно! Именно сегодня он должен был прибыть на эту свою базу. Там есть телефон, откуда можно позвонить. Но он не позвонил.

– Подождите, – рассудительным тоном заметил Гуров. – Разве это причина так уби-ваться? Мало ли по какой причине он не позвонил? Вы сами знаете, какая у нас связь...

– При чем тут связь?! – прорыдала Маргарита Альбертовна. – Связь как раз в порядке. Мне оттуда звонили!

– Вам звонили из Брянской области? – удивился Гуров. – И что же?

– Звонил друг сына – Вадим Сидоренко. Он водит машину, на которой... Ну, вы понимаете. Он позвонил... – она с трудом удерживала слезы. – И сказал, что пока не появится Сергей, сына я не увижу...

Гуров с тревогой посмотрел на нее.

– Простите, что значит – пока не появится Сергей? – спросил он. – Где не появится?

– Я... Я не знаю! – в отчаянии выкрикнула Маргарита Альбертовна. – Верьте мне – я ничего не знаю! Я сама не могу ничего понять. Этот дурак Вадим говорил так, будто у него во рту каша. На вопросы отвечать отказался, сказал, что просто передает чужую просьбу. Он, мол, здесь ни при чем. И еще предупредил, чтобы я не вздумала обращаться в милицию – сказал, что тогда Илью я никогда уже не увижу!

– Что-нибудь еще?

– Нет, потом он просто бросил трубку, – безнадежно сказала Маргарита Альбертовна. – А я не знаю, куда звонить. Сын никогда не говорил мне номер телефона. Помогите мне! Я все расскажу. И про Пивоварова тоже. Только спасите моего сына, полковник!

Маргарита Альбертовна действительно все рассказала, но ее рассказ мало прибавил к той информации, что Гуров получил от Жилова. Нет, конечно, ей были известны убийственные подробности о деятельности своего бывшего мужа, но не это сейчас интересовало Гурова. О местонахождении Ликостратова Маргарита Альбертовна, похоже, и в самом деле ничего не знала. Ради спасения сына она выдала бы его, не задумываясь. Но его исчезновение не было связано с контрабандой животных.

Все эти аргументы Гуров вывалил на следующее утро перед генералом, объявив, что должен немедленно ехать в Брянскую область.

– Пойми, Петр, мы не можем терять сейчас ни минуты! Ведь речь уже идет даже не об убийстве Мамаева – здесь уже пахнет чем-то более серьезным. Во-первых, организованная преступная группа; во-вторых, похищение человека, а что будет дальше, можно только догадываться. Грязное дело вырисовывается, Петр.

– Вот-вот, сам говоришь, преступная группа, – непреклонно заметил Орлов, – а предлагаешь авантюру. Без предварительной разработки, без поддержки. Даже с брянскими коллегами не хочешь связаться. КПД от этой твоей акции – ноль, если не сказать хуже. На что ты надеешься?

– Вагнер утверждает, что на лесной базе группа задержится еще дня на два. Они всегда так делают. Мы с Крячко нагрянем туда, найдем этого Сидоренко и побеседуем с ним по душам. Нам необходимо знать, кто затеял эту историю с похищением Ильи Ликостратова. Если мы этого не узнаем, то парень может погибнуть.

– А о том, что вы с Крячко можете погибнуть, ты не задумывался?

– Зубы обломают, – уверенно заявил Гуров. – Мы не затем туда едем, чтобы погибать, и ты, Петр, это прекрасно знаешь. Мы должны знать истину. У этой истории очень серьезная подоплека. Я теперь более чем уверен, что Ликостратов пустился в бега не потому, что человека убил. Вернее, не только поэтому. Он еще чего-то боялся, и боялся сильнее, чем нас с тобой. Вот как ты думаешь, что могло его так испугать?

– Над этим ты думай, – отрезал генерал. – У меня и без того забот полон рот. Вот, например, ты в курсе, что наверху мне рекомендовали не загружать тебя банальными делами?

Такими, как, например, дело об убийстве гражданина Мамаева? Да-да, с некоторых пор судьба гражданина Ликостратова никого не интересует. Даже наоборот.

– Меня интересует, – сказал Гуров.

– Есть мнение, что и тебя не должна интересовать.

– Заметь, не я первый это начал, – недовольно сказал Гуров. – Или ты думаешь, что меня можно двигать вот так запросто, как пешку? Сначала мне предлагают побегать, поискать для министра нужного человека, а потом, когда этот человек оказывается замаранным и появляется угроза для чьей-то репутации, меня просят не суетиться и отойти в сторону! Я с этим согласиться категорически не могу. Начальство не стоит баловать!

– Меня ты, похоже, вообще за начальство уже не считаешь! – сердито сказал Орлов. – Развернул мне тут свою философию! Разве это плохо, когда человек бережет свою репутацию? Не хочешь же ты сказать, что с одобрения министра торгуют этими несчастными животными?

– Насчет министра не знаю, – неуступчиво сказал Гуров, – но вот насчет референта господжа Вагнер высказалась однозначно. Пивоваров принимал в этом непосредственное участие. Допустим, сам он контрабандой не занимался, но помогал Ликостратову очень неплохо – организовывал документы на министерских бланках, на бланках Академии наук, всякие рекомендательные письма и прочую липу. Поэтому он так старался заморочить мне голову.

– Пивоваров уволен, – сурово сказал Орлов. – Никакого отношения к министру он уже не имеет. Не забывай этого.

– Да бог с ним! – ответил Гуров. – В конце концов, эта братия интересует меня меньше всего. Всегда найдутся люди, которые не прочь подзаработать на печати, которая лежит у них в сейфе. Это не моя забота. Мне нужно найти тех, кто похищает людей и организует преступные группы.

– И все это ты надеешься найти в брянском лесу?

– Там я надеюсь найти след, – заявил Гуров.

– А тебе не кажется, что госпожа Вагнер опять просто морочит тебе голову?

– Не кажется. Она искренне переживает. У меня жена – актриса. Я вижу, когда человек играет. И потом, она же, грубо говоря, раскололась! Готова дать письменные показания. И еще у нее имеются кое-какие бухгалтерские выкладки, касающиеся деятельности мужа. Я поставил в известность Балуева. Сегодня он ею займется.

– А следователь знает про сына Ликостратова? Что он говорит?

– Он уверен, что это какой-то маневр для отвода глаз. Он скептик.

– М-да, жаль, что ты у нас романтик. Но вообще-то я тоже не думаю, что женщина будет шутить судьбой своего сына даже ради большой выгоды. А тем более не будет выгораживать бывшего мужа. Это не в женской природе.

– Так ты меня поддерживаешь? – нетерпеливо поинтересовался Гуров.

Генерал просверлил его взглядом и нехотя сказал:

– Это мой крест – тебя поддерживать. Без моей поддержки ты бы знаешь где был?.. Ну, ладно, даю добро, но с одним условием. Никаких там активных действий! Никакой рубки сплеча! Если понадобится кого-то задерживать – только в сотрудничестве с местными правоохранительными органами и непременно поставив в известность меня!

Таким образом главная задача была решена – Гуров вспоминал сейчас об этом с легкой иронией и досадой. Орлов неизменно упрекал его в «партизанщине», а Гуров постоянно клялся, что навсегда покончил с этим явлением, и давал слово, что никаких серьезных вопросов без согласования с начальством решать не будет. Он терпеть не мог нарушать слово, но отлично знал, что главные решения принимаются без подсказки начальства или же не принимаются вообще. В душе Орлов наверняка думал также, поэтому Гуров с такой легкостью давал ему слово, которое потом нарушал. Это было что-то вроде жертвенного ритуала перед большой охотой.

Раздумья Гурова наконец прервал Крячко, который предложил остановиться и уточнить, где они находятся. Около получаса назад на автозаправке им приблизительно объяснили, как следует ехать в направлении Гнилого кордона. Получалось шестьдесят километров по шоссе, затем поворот на лесную дорогу, еще километров пятнадцать вокруг деревень и болот, а далее следовало спросить у местных.

По времени и по карте выходило, что нужный поворот должен вот-вот показаться. Погода между тем портилась, становилось темновато, а над лесом погромыхивал гром.

– Какого черта они сворачивают в такую глушь? – с сомнением спросил Крячко. – Тут им до финиша уже недалеко, а они в лес забираются! А здесь ни условий, ни дорог нормальных. Живность вся передохнет!

– Похоже, этот кордон вот где расположен, – объявил Гуров, заглядывая в карту и тыча в нужное место пальцем. – Видишь, с этой стороны лесная дорога, грунтовка, одни повороты... Зато с той стороны выезжаешь прямо на автостраду, и всего-то два километра по прямой! А прячутся они сюда, я думаю, потому, что дальше у них самый ответственный момент – границу пересекать нужно. Вот они и делают профилактику – перед последним броском. Все правильно.

– Выходит, теперь и нам среди болот петлять надо? – недовольно спросил Крячко. – Незавидная участь! А тут еще дождь вот-вот раскочегарится. Как бы нам не засесть здесь.

– А мы вот как сделаем, – заключил Гуров. – Сейчас прибавим газу и обогнем этот район по асфальту. И подьедем с той стороны. Может быть, даже не станем углубляться в лес на машине. Пару километров пешочком по лесу пройти – одно удовольствие. И внимания к нам будет меньше.

– Ага, внимания-то как раз будет хоть отбавляй! – саркастически сказал Крячко. – Три дурака под дождем грибы собирают! Этого тут, наверное, еще не видели. И потом, с моей ногой мы эти два километра два часа идти будем.

– А ты с твоей ногой будешь в машине сидеть, – возразил Гуров. – Прикрывать тылы. Твоя задача – не выпускать из леса фургоны, буде таковые появятся. В крайнем случае разрешаю стрелять по колесам. А мы с Самохиным пройдемся. В конце концов, не сахарные – не растаем.

– А все-таки хорошо бы объяснение какое-нибудь придумать, товарищ полковник, – дипломатично сказал Самохин. – По какой причине мы вдруг на кордоне появились?

– Хочешь сказать, что тут по лесу никто не ходит?

– Ну, погода, в самом деле... Вечереет. Да и чужие мы. Сразу в глаза бросимся.

– У нас на лбу не написано, кто мы такие, – возразил Гуров. – А заблудиться никому не возбраняется. Если в пределах закона, конечно, – он улыбнулся. – Так и скажем – туристы, мол, ехали неизвестным маршрутом, машина тут неподалеку заглохла, ищем теперь помощь. А то, что мы при этом вымокшие будем, только больше убедительности нашим словам придаст. А у нас цель одна – Вадима Сидоренко найти да поговорить с ним с глазу на глаз.

– С глазу на глаз не получится, – предрек Крячко. – Их там человек десять, не меньше. Не дадут вам уединиться.

– А я для этого Вадима слова найду такие, единственные, – пошутил Гуров, – какими в любви признаются. Он за мной после этого на край света пойдет.

– Главное – от дороги особенно не отклоняйтесь, когда на край света пойдете, – предупредил Крячко. – Тут по карте болота совсем рядом.

Гуров кивнул, благодаря за заботу, бросил на заднее сиденье карту и завел машину. Примерно через полчаса, объехав кругом по шоссе обширный лесной массив, они оказались на пересечении с дорогой, уходящей в глубь леса. Несмотря на то что эта дорога была прямая, как стрела, уже метрах в сорока ее полоса как бы растворялась в сумрачных лесных тенях и дождевой мороси. Глядя на это, Крячко сказал:

– Бр-р! В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Может, передумаешь, Лева? А что? Отсидимся здесь в машине. В крайнем случае мимо нас не проедут. Зато сухо и компания хорошая.

– Компания хоть куда, – согласился Гуров. – Только нам ждать у моря погоды некогда. Сам говорил, что опоздать можем. Так что в тепле тебе одному придется отсиживаться. Пойдем, капитан!

Гуров уже открыл дверцу машины, как Крячко добродушно и снисходительно заметил:

– Вы хоть бы сейчас галстук сняли, пан сыщик! А то такое впечатление, будто вы сюда прямо с банкета по случаю Дня милиции завернули...

Гуров засмеялся, распустил узел галстука и, стащив его через голову, бросил вслед за кабртой на заднее сиденье.

– За объективную критику спасибо, – сказал он.

Вместе с капитаном Самохиным они вышли из машины и, поневоле сразу перейдя на рысь, зашагали туда, куда вела лесная дорога. Крячко неодобрительно посмотрел им вслед и покачал головой. В глубине души ему тоже хотелось припустить вслед за Гуровым, но он понимал, что с его ногой такой темп ему не поддержать.

А Гуров с Самохиным уже вступили в лес. Настоящая гроза грохотала где-то в стороне. Эту часть леса дождевая туча задела только краем, но и этого для городских костюмчиков и ботинок было вполне достаточно. Минут через десять оба уже чувствовали себя так, словно им целый день пришлось продирааться через мокрые кусты и шагать по глубоким лужам. Под каблуками хлюпала грязь.

– Нет в жизни счастья! – философски заметил Гуров, поднимая воротник пиджака. – Держу пари, что до нашего приезда здесь держалась прекрасная погода. Посмотри, Самохин, на дороге никаких следов. Если бы здесь сейчас проехала машина, все дыбом бы стояло.

– Значит, есть надежда, что они еще на месте, – сказал Самохин.

– Будем надеяться, – хмыкнул Гуров. – Не хотелось бы мокнуть впустую.

На этом беседа их прервалась, потому что разговаривать ни у того, ни у другого охоты не было. Грозовая туча уходила к югу, но светлее не становилось. Начинались сумерки.

Глава 9

Примерно через полчаса шлепанья по лужам Гуров вдруг остановился и прислушался. Самохин тоже встал и поднял голову. Через тихий шелест дождя до них донесся равномерный звук, напоминающий гул работающего мотора, и еще залившее собачье тьяканье, перешедшее внезапно в панический визг и тут же смолкшее.

Они посмотрели друг на друга.

– Кажется, пришли, – сказал Гуров и недовольно покачал головой. – А вот про собак я не подумал! А какой же, если подумать, кордон без собак? Так что незаметно подойти и думать нечего!

– А нам обязательно незаметно? – спросил Самохин. – Мы же заблудились. Нам же помощи просить нужно.

– Это еще бабушка надвое сказала, – заметил Гуров. – Там нас может ждать такая встреча, что нам не помощи, а пощады просить придется. Поэтому-то и хотелось бы сначала прикинуть, что там за народ собрался.

– Может, разделимся? – предложил Самохин. – Допустим, я вперед пойду, как будто я один. Отвлеку на себя внимание, а вы пока осмотритесь что да как.

– Нет уж, будем держаться вместе, – решил Гуров. – Поодиночке мы можем в такое дерьмо вляпаться, что за всю жизнь не отмоешься. Давай жми напролом, капитан! Что-нибудь да выгадаем!

– Как скажете, товарищ полковник, – пожал плечами Самохин.

Дорога дальше сворачивала налево и ныряла в густой непроглядный ельник. Ели здесь были пушистые, с голубоватой хвоей. Это голубоватое свечение было заметно даже в сумерках.

Прошагали еще метров сто. Звук мотора уже стих. Зато все отчетливее слышалось невнятное журчание нескольких мужских голосов. Снова несколько раз тьякнула собака. Потом опять наступила тишина, нарушаемая тихим шумом дождя. И вдруг они вышли на край большой поляны.

В глубине ее стоял добротный деревянный дом с высоким крыльцом и большой верандой. Острроверхая, крытая железом крыша, выкрашенная в зеленый цвет, сливалась с темной зеленью нависавших над ней деревьев. Многочисленные окна были украшены резными наличниками. Стены дома янтарно желтели. За домом виднелись еще какие-то постройки. На другом конце поляны под высоким тентом стояли два «дальнобойных» грузовика. Прицепленные к ним фуры были покрыты пропыленным брезентом, на котором темнели какие-то надписи, сделанные латинским шрифтом.

– А тут уютно! – с удивлением сказал Самохин. – На хорошую гостиницу похоже. На базу отдыха. И природа опять же...

– Да, аккуратно живут, – согласился Гуров. – Заметил, под тентом асфальт уложен? И даже, кажется, ямы организованы, чтобы машину без помех посмотреть можно было. Но меня другое радует. Фургоны на месте. Значит, не опоздали мы.

– Непохоже, чтобы они в дорогу собирались, – заметил Самохин. – Тихо, пусто... Правда, мотор недавно рычал вроде... А сейчас никого. Все в доме, что ли? Прямо туда пойдём, Лев Иванович?

– В кузов бы заглянуть, – озабоченно сказал Гуров, глядя на грузовики. – Убедиться бы. Чтобы уж был туз, как говорится, в рукаве... Но тут уж нас сразу раскусят. А нам прежде нужно Сидоренко разыскать. Пойдем сразу в дом, Самохин! Будем действовать по обстановке.

Но едва они сделали несколько шагов по направлению к дому, как откуда-то из-под крыльца навстречу им выметнулись две огромные лохматые псины с оскаленными зубами. С хриплым лаем они помчались навстречу оперативникам, намереваясь, кажется, с ходу пере-

грызть им обоим горло. За ними задорно трусила маленькая белая собачонка, захлебываясь звонким щенячьим тьяканьем. Видимо, это ее они слышали несколько минут назад.

Гуров и Самохин остановились. С лохматыми кобелями шутить было опасно. Это были не обычные деревенские брехуны, а натасканные свирепые сторожа – Гуров в этом достаточно хорошо разбирался.

Впрочем, до неприятностей дело не дошло. Почти сразу же из-за угла дома появилась фигура в дождевике и фуражке, и грубый мужской голос выкрикнул, перекрывая собачий гомон:

– Полкан! Седой! Фу! К ноге!

Быстрым шагом человек в дождевике пошел навстречу оперативникам, пытливо всматриваясь в их лица. Собаки остановились как вкопанные, тьякнули неприязненно еще пару раз и отступили, пропуская вперед хозяина.

Он подошел вплотную к непрошеным гостям, кивнул в знак приветствия и отрывисто спросил:

– Случилось что? Авария? Или бензин кончился?

У него было суровое мужское лицо с глубокими морщинами по краям рта. Стальные глаза смотрели холодно и строго. На форменной фуражке тускло поблескивала кокарда лесного ведомства.

– Вы угадали, – сказал Гуров. – Ехали вот по трассе, колесо лопнуло, а сунулись насчет запаски – выяснилось, что забыли. Такая вот чепуха получилась. До ближайшего населенного пункта восемь километров. Так мы рассудили, что лучше будет поближе поискать пристанища. По карте сверились – ваш кордон рядом. Вот мы и решили... Не ночевать же на обочине.

– Машина-то какая? – спросил лесник. – «Пежо»? М-да, это посложнее будет... Но помочь можно. Сейчас поедем – колесо ваше снимем, здесь заклеим...

– Не получится, – мотнул головой Гуров. – Покрышка вдребезги. На стальной прут, похоже, нарвались, а может, на зуб от бороны. Что-то в этом роде.

– Тогда до утра, – заключил лесник. – Утром один машину посторожит, а другого я до города подброшу. Там импортные тачки чинят – что-нибудь придумаете.

– Идет, – сказал Гуров. – А переночевать у вас местечко найдется?

– Места у нас навалом, – ответил лесник.

– Да, я вижу, тут у вас машины стоят, – простодушно объяснил Гуров. – Может, думаю, понаехали гости?

– Гости нам не помеха, – спокойно сказал лесник. – У нас на всех места хватит. Да и отбывают они скоро, гости-то. Так что не о чем вам беспокоиться. Вот только разносолов я вам не предложу, извините. Но жареной картошки с грибами и хлеба дам.

– Какие же нынче грибы? – пробормотал Самохин.

Лесник снисходительно посмотрел на него.

– Городской житель! – сказал он. – Весенних грибов не пробовал. Ничего, попробуешь! Пойдемте со мной!

Он мотнул головой, повернулся и пошел к дому. Собаки расступились, но глаз с чужаков не сводили. Шерсть на их загривках до сих пор стояла дыбом.

– Не скучно в лесу одному жить? – спросил Гуров.

Лесник неодобрительно и непонимающе посмотрел на него.

– Нам скучать некогда, – сказал он. – Скучают те, кому делать нечего.

Гремя сапогами, он поднялся на крыльцо, по-хозяйски распахнул дверь, пропуская гостей в дом. Гуров и Самохин вошли. Лесник оценивающе посмотрел на них и с некоторой досадой сказал:

– Одежу просушить вам надо бы! Сейчас велю, чтобы печь затопили. А вы пока располагайтесь. Я вас наверху помещу. Не пятизвездочный отель, конечно, но прилечь есть где, а вам ведь ничего другого и не надо, верно?

– Насчет одежды не беспокойтесь, – быстро сказал Гуров. – Не так уж сильно мы и промокли.

– Дело хозяйское, – равнодушно заметил лесник. – А ужина придется подождать.

Они прошли через полутемную прихожую, в которой пахло странным сочетанием выделанной кожи, сена, подгоревшего масла и человеческого пота, через боковую дверь проникли в коридор, из которого по узкой деревянной лесенке с перилами поднялись на чердачное помещение, находившееся под той самой островерхой крышей, которую они только что видели.

Здесь пахло по-другому – древесной стружкой и лесом. Постукивал по крыше замирающий дождь. Большое слуховое окно в красивой прочной раме смотрело на лес.

– Вот здесь и располагайтесь, – сказал лесник. – Тут вот топчаны стоят. Там, в шкафчике, – одеяла. Света у меня тут нет, извините, придется посумерничать. А покушать вас пригласят.

– Мощное тут у вас заведение, – сказал Самохин. – Я сначала подумал – гостиница.

– А тут и есть что-то вроде гостиницы, – с достоинством ответил лесник. – Сюда раньше важные люди из района частенько наезжали – поохотиться, порыбачить... Нынешнее начальство вроде остыло к этому делу. А может, получше места теперь знает. А строили, да, на будущее... Такой дом нелегко содержать, конечно, но мы выходим из положения.

– Дальнобойщиков принимаете? – догадался Гуров.

Лесник внимательно посмотрел на него и неохотно сказал:

– Бывает...

В полумраке трудно было понять, какое у него выражение на лице.

– Ладно, располагайтесь, а я пойду. Дел много. Если вдруг что – вниз спуститесь, спросите – где, мол, Федор Игнатьич. Это я, значит. Вообще, я в другой избе обитаю, здесь у нас в основном гости вроде вас... А вот на двор сами не выходите – собаки вас не знают, порвать могут.

Сообщив этот обнадеживающий факт, он решительно повернулся и стал спускаться по скрипучим ступенькам. Оперативники дождались, пока грохот его сапог не затихнет внизу, а потом Гуров вполголоса заметил:

– Ну что, капитан, значит, не едал никогда весенних грибочков? А придется!..

Самохин почесал в затылке и озабоченно сказал:

– Да, деловой мужик! Как он нас, а? Враз выключил из процесса! Изолировал на чердаке, другим гостям не показал, да еще и насчет собак намекнул... Как думаете, Лев Иванович, он это не нарочно или все-таки догадался, кто мы такие?

– А какая разница, капитан? – пожал плечами Гуров. – Он по-своему разумно поступает. Бизнес у него тут не самый прозрачный, народ же ходит всякий – поэтому осторожничает. Площади у него тут позволяют. Хоть роту милицейскую изолируй!

– И что будем делать, Лев Иванович?

– Думать надо. Я не доктор, у меня готовых рецептов нет. Задача прежняя – Сидоренко.

– Только на чердаке мы его вряд ли отыщем, – сказал Самохин. – На двор нам не велено выходить, но вроде вниз спускаться никто не запрещал? Можем ознакомиться с достопримечательностями.

– Гида бы нам хорошего, – пробормотал Гуров, оглядываясь. – Хотя, конечно, ждать у моря погоды нечего.

Он подошел к люку, который вел на первый этаж, и посмотрел вниз.

– Слышу, как будто посудой гремят, – сообщил он через некоторое время. – Такое впечатление, что кое-кто уже ужинает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.